

Федор Дмитриевич Березин
Атомная крепость
Серия «Обитаемый остров»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006435

Аннотация

Земляне попали на Саракш слишком поздно. К моменту их появления тотальная атомная война стерла с поверхности десятки стран и народов. Там, где сейчас пустыня, когда-то кипела жизнь.

История ядерной бойни покрыта мраком. Кто-то когда-то начал первым, надеясь на легкую и скорую победу. Кто-то хотел приобрести колонии, а кто-то — славу выдающегося стратега. Но все пошло наперекосяк. В ядерной войне не бывает победителей.

Пилоты атомных бомбовозов — не стратеги и не политики. Они просто обучены делать свою работу. Их цели — раскинувшиеся под крыльями чужие города. Но и здесь все может пойти совершенно не по плану. Замахи ядерной дубины несут с собой неприятные сюрпризы.

Ну, а Бюрос-Ут — всего лишь радист-пулеметчик, маленький винтик в большом механизме Королевских воздушно-бомбовозных сил. Может ли он изменить хотя бы что-нибудь?

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	7
3	9
4	10
5	11
6	14
7	15
8	17
9	18
10	20
11	22
12	24
13	25
14	27
15	28
16	29
17	30
18	32
19	34
20	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Федор Березин

Атомная крепость

Часть 1

Бомбы и Мировой Свет

1

Не исключено, что Уксун-Бу хотел бы приоткрыть люк, высунуться наружу и поглядеть на небо вблизи. Узнать, наконец, как оно там, в окрестностях Мирового Света. Действительно ли в этой самосветящейся субстанции так уж неуютно и не ухожено, как об этом рассказывали? Или все же человек с крепкими нервами, устойчивой психикой и прошедший специальную подготовку сможет хоть некоторое время сохранить рассудок и успеет до критической фазы понять, что тут, собственно, к чему?

Да, может быть, он и хотел. Но на этот счет подсутились. Рассказали ему без прикрас, что случается, если зыркнуть наружу хотя бы сквозь амбразуру, армированную тройным бронированным стеклом. Можно и через зеркальную механику перископа. Без разницы. Были уже в прошлом подобные герои, вернее, кролики. Подопытные кролики.

Кроме того, об Уксуне-Бу позаботились не только словесно – честно предупредив, проинструктировав под роспись и все такое. Зная, что в преддвериях Мирового Света психика даже самого отважного и крепкого духом человека может не выдержать, его аккуратненько запаляли в капсуле наглухо. А куда денешься? Капсула, извиняюсь, стоила недешево. Запуск ее – и того больше. Ну, а сама важность миссии... Да тут и говорить не о чем.

Так что Уксун-Бу был вовсе не кролем. Кролики все вышли еще до него. Речь не о настоящих съедобных ушастиках, понятное дело. От той живности толк единственно что на праздничном столе. Если эту животину запаять в капсулу – онадохнет от страха еще до старта. Слабое у кролей-ушастиков сердечко; не снабдила их природа достаточной храбростью, куда ж денешься. А вот головы – те да! Те стойко выдерживают и предстартовую клизму, и иглоукалывание антибиотиками, и сам взлет-полет-посадку. Урчат-мурчат только что-то сами себе, погавкивают. Особо погавкивают, повизгивают, когда по команде снизу плотно запаянные иллюминаторные створки все-таки откупориваются. Черт знает, чему они там дивятся своей круглой башкой? На кинопроекторе – сплошная засветка. Иногда, правда, темень. С какого лешего темень, если там Мировой Свет, то дело и вправду темное. Скорее, все-таки аппаратура шалит. Почему б ей не шалить, в самом деле? На земной тверди над ней кумекали, вычерчивали, здесь же ее собирали, а забросили трудиться – черт знает куда вверх.

Думали, человек – он лучше окажется. Он, мол, не инженерами состряпан, а самозародился в палеонтологических дебрях бесконечного прошлого. Эры с зонами его обточили, отрихтовали, довели до кондиции и выдали его – наточки! Берите, радуйтесь!

Самая надежная штукавина на всей Сфере Мира, самая продвинутая и самая умная. Вот от этого ума все закорюки-то и случились. Теперь приходится опытного, преданного душой и телом пилота запаивать внутри, как преступника какого-нибудь. А ведь он может и обидеться от недоверия подобного рода.

Может ведь?! Хотя толку от его обид? Недолго ему с ними носиться. Полет Уксуна-Бу не предусматривает возвращения в родные пенаты.

Вот же какая несправедливость! Как раз кролики-испытатели – те возвращались. В смысле как раз там предусматривалось это самое возвращение. А вот как дошло до настоящего дела – тут уже никакой посадки и не предвидится.

Конечно, здесь не как с подопытными головами.

Хоть и считаются те тварями догадливыми, и дрессировать их одно удовольствие, все ж никто им лекции про циклические мерцания центрального газового пузыря или о первичном падении и последующем нарастании давления с высотой не читал. Им, вообще-то, даже не удосужились растолковать, запихивают ли их в скафандр и капсулу насовсем или просто на время. Они ведь хоть и общительное зверье, но твари-то безмозглые. Ну, а Уксун-Бу, тот, понятно, в курсе всего и вся. Но люк, тем не менее, закупорен.

У первых, у тех поначалу был обзор, что у обычных пилотов. Правда, не всеобщее остекление кабины, тут вам все же не парадный бомбовоз какого-нибудь герцога. Тоже, напридумывали моду. Кичиться друг перед дружкой бомбовозами! Оно, конечно, понятно. Что ж им, лимузинами хвастать? Бензиновым лимузином может и торговец недвижимостью обзавестись, а уж магнат какой – владелец заводов и пароходов – так тот уж само собой. Но у аристократов, у них своя косточка. У них наследственное право на владение оружием, конями в сбруе. Нефтемагнат какой, тот даже если на брюхе ползать будет перед королевской особой, а ни за какие ассигнации не получит разрешение на сбрую. Накось, выкуси. Сбрую тебе? Может, еще ключ от королевской казны или опочивальни? Не с вашим рылом, господин ростовщик. Не с вашим. Вначале предков, героически сложивших голову за корону, займите с десятков поколений, а потом уже сбрую.

Оно понятно, в век моторов и сбруя соответствующая. Конь – тем более. Сотка лошадиных сил лимузинного дизеля уже не тот масштаб. А вот бомбовоз – самое то. Он не только для парадов. Хотя, если какой экс-герцог летит на своем над городом... Любо-дорого наблюдать, как на бреющем над крышами прет. А если какие-нибудь герольды еще и соревнование устроят – рев такой, что стекла из рам выпрыгивают, плиточная облицовка с верхних этажей обваливается. Вражеского налета не надо. Зато народ воспитан, приучен. Стекла крест-накрест скотчем заклеены загодя, чтоб, значит, не вываливались с ходу. Только как тут не вываливаться? У некоторых экс-баронов, у них на каждой плоскости по три, а то и по четыре мотора. Такой плоскости самой, без аэроплана, можно по воздуху фигурировать, в самостоятельном режиме. Но оно, разумеется, приторочено к бомбовозу. Тюха-матюха такая, что в ноги надо кланяться тем герцогам да баронам, что без подвешенной бомбонагрузки барражируют.

Внутреннее убранство, конечно, соответствующее. Это, правда, не всем наблюдаемо, только особам приглашенным. Но вроде штурвалы там алмазами инкрустированы. Сияют так, что можно приборную доску без всякой подсветки обозреть. Позолоченные рычаги, верньеры на рации – чистая платина, кньюпели – выточка из янтаря. Сидушка главного пилота – с массажной спинкой. Ковровое покрытие в кабине такое, что прямо сердце кровью обливается, когда по нему пилотские унты топчутся. По весу вся эта утварь – можно дополнительную мегатонну около шасси примастырить. Ходит слух, будто однажды вот такая коронованная алюминиевая бамбулина грохнулась в лесной массив: некий принц крови решил после дворцового бала отработать пикирование на спор. Рассказывают, что покуда криминалисты с экспертами-технарями из столицы добрались, местный народишко попросту озолотился.

Потом, правда, пошла вроде мода на аскетизм. Типа, все должно быть так, как у обычного боевого лайнера. Это вам, массаракш, не загородная вилла! Еще мрамором свои летуны обейте, и посмотрим, какой длины потребуется взлетная полоса, чтобы взлететь! Кресельные массажеры монтировочками подковыривали, ковры кабинные – в иллюминаторы, прямо над морем. С верньерами и прочей платиной неясно. Вроде кое-где все же для именного щегольства сохранились. Но так что ж, экс-герцогский бомбовоз, он будет что обычный?

Ага, как же! Движки на строевой машине технарь-майор регулирует, а у экс-барона сам конструктор-разработчик двигателя, по особому тарифу. Нечего, в самом деле, окружающие леса-поля экс-герцогами с баронами засеивать. Тем более города.

В общем, в нынешнем деле остекление не как у бомбовозов. Все ж высота подъема несравнима. За бортом давление Мирового Света падает практически до нуля. Всю красоту остекления повыдавливает нафиг от внутреннего перепада. И опять же, скорость! Рано или поздно машине обратно возвращаться, в плотные атмосферные слои. Так что даже первые экспериментальные гиперзвуковики были не чета хрустальным вазам экс-герцогских бомбовозов. Однако от беды это их вовсе не спасло. И не в прочности конструкции оказалось дело – а в хрупкости человеческого восприятия мира. Благо хоть экс-бароны в бездонность заатмосферных далей не полезли вместе со своими платиновыми верньерами. Было б то еще горе. Да сияет во веки веков Мировой Свет, но, на счастье, герцогам и принцам крови гораздо приятнее было гарцевать на своих турбовинтовых каракатицах над столицами. А переход на турбину вместо винта посчитали они делом непристойным для аристократической косточки. Оно и понятно! Заявить, что у тебя на свежелакированном и прошедшем спешную модернизацию бомбовозе длина лопасти три метра с лишком, – это заставить соседского принца лом проглотить на все время бала. Да его даже дамы придворные в своей девичьей курилке засмеют за то, что у него совсем маленький. Речь о восьмилопастном винте, понятное дело.

Ясно, что в приближенной к Мировому Свету разреженности от винта проку ноль, сотвори его хоть десятиметровым. Тут требуются другие принципы. Хотя подвели как раз не принципы.

Поголовно все первые экспериментальные гиперзвуковики не возвратились на базу. Пытались искать их спекшиеся окалинки в горах Хафиф-Кольдильер, снаряжали экспедицию. В океане, понятное дело, даже не пробовали. Ясный пень, головану, даже обученному, гиперзвуковой лайнер не доверишь. Тех, как уже указывалось, просто запускали в верхотуру на ракетной тяге. Но эффекта-то нисколько? Он же ничего не рассказывает толком. Но ведь живых из скафандров выколупывают, правильно? Разве что в фекалиях и в моче: все ж собачье отродье, да и страху натерпелось. Еще язык прикушенный. Непонятно, с какого бодуна – массаракш! – если их еще до дрессировки – к стоматологу, а тот щипчиками клыки «оп-оп» – на брелочки, в смысле. Теперь голован исключительно кашку с молочком потребляет, вспоминая детство золотое в пещере, в джунглях. Короче, судя по моче с калом, страху-то голован натерпелся, но вот вопрос: «По какому поводу?». Ни черта скотина природная не рассказывает.

Слава Мировому Свету, четвертый гиперзвуковик на полосу все-таки сел. Только вот пилот выдал такое, что все документы допроса поставили под гриф, а самого испытателя, по слухам, уехали в вечный отпуск с пропиской в одиночной палате при бдительных санитарях.

Именно с тех пор на любом гиперзвуковике при достижении определенной высоты автоматически задраивались все шторки иллюминаторов. Летчик летел вслепую. Но лучше так, чем никак, – в смысле с посылкой экспедиций на ледник Погибших Альпинистов для нахождения обломков. Потому сейчас Уксун-Бу рулил своим гиперзвуковым лайнером как положено – вслепую, по приборам.

2

Эскадрон вырулил на полосу, а затем и в небо четко, как на параде. Ни грамма лишней суетни даже при посадке экипажей. Спешка если и была, то настолько отработанная, что кабы не по две ноги и руки у каждого летчика, то можно решить, будто в деле применяются исключительно механизмы. Но, в сущности, люди тут и были всего лишь механическими придатками. Необходимая на нынешнем этапе развития техники запчасть. В ракетном деле без нее уже вполне успешно обходились, а вот при вождении аэропланов все еще никак. Радист-пулеметчик Бюрос-Ут значился одним из таких механических привесков к алюминево-стальной громадине. Всего внутри подобных привесков было целых десять. Это в одном бомбовозе, понятное дело. Но без работы никто не отсиживался, хватало на всех. Ведь требовалось не только оторвать тяжеленную машину от краешка взлетной полосы, но вполне желательно когда-нибудь возратить ее обратно в чудовищный ангар. Нужно было пробалансировать в высоте массараکش знает сколько часов, не потеряться в координатной разбивке Сферы Мира и выйти в нужные меридианы-широты тютельница в тютельница, с точностью до секунд. Четырежды-майор-мастер Илильер-Су так им сказал на инструктаже:

– Попадете в границы вот этого рубежа пятью минутами раньше – вся операция накроется медным тазом. Да и за ваши головы я тоже десяти песет не поставлю. Потеряете машины, как пить дать.

И командир базы «Передовая» и дивизии тяжелых бомбовозов Илильер-Су, разумеется, прав на все сто. Бюрос-Ут ни разу не испытывал боевое капсуло-кабинное катапультирование, но как-то мало верил, что сверхтяжелая отстреливаемая кабина сумеет продержаться на поверхности моря до прибытия спасательных сил. А ведь львиную долю маршрута им и вправду придется рулить над океаном. Жуткое дело! По сути, им требуется сотворить маневр над половиной Сферы Мира. Уйти на юго-запад, дабы сбить с толку загоризонтную локацию северной Империи, и погарцевать над океаном, сотворив над ним гигантскую – плечом в четырнадцать тысяч километров – дугу. А потом уж войти в границы материка аккуратно с севера, оттуда, откель никакие имперские противовоздушные маршалы ничегошеньки не ожидают. Откуда им ведать, что у нас бомбовозы нового типа?

На старых попокуй подобный маневр сотвори. Предложена, правда, не так давно и даже вроде экспериментально опробована некая тактическая финтифлюшка. Один пришлый генерал-инспектор как-то читал лекцию для базовых бомбардиров. И что-то так неопределенно на сей счет упомянул. Вроде бы как можно один бомбовоз переделать под заправщик. Да не просто так, чтобы он горючее куда-то на островную пересадочную станцию подскока доволот. Можно, оказывается, прямо в воздухе вывалить из него шлангу, а уже к оной шланге каким-то образом должен прямо в полете пристыковаться нормально штатный бомбовоз и отсосать топлива сколько душе угодно. Идея явно бредовая.

Бюрос-Ут, слава Мировому Свету, в авиации не первый год. Знает, как тяжело порой держать дистанцию даже в парадном строю бомбовозов во время Годовщины Коронации. Так там скорость невелика, да и вместо бомб муляжи жестяные подвешены, дабы народ с биноклями дивился, да и придворные дамы в подзорную трубу от умиления ахали. А здесь территории нейтральные, океан какой-нибудь или, того хуже, – прибрежные воды вероятного противника. Тут нервишки шалят. Что, если эту шлангу угораздит бросить ветровым потоком прямоком на какой-то из винтов? А потом с нее еще керосиновый фонтан ударит? Бюрос-Ут видел уж, как самолет прямо в воздухе в факел обращается и без подобной небесной акробатики. К тому же, а что, если во время этой дикой оргии с перекачкой жидкой субстанции с борта на борт поблизости выявится вражеский дальний истребитель? Вот уж он поиздевается над этой сцепленной искусственной пуповиной парочкой. Да и экономия сна-

рядов какая! Один передний сбил, а ошметки эстафетой и второго разнесут. Да и вообще, с какого рожна тратить пристойную боевую машину на перевозку жидкостей? От нормального бомбовоза есть очевидный толк, а от этих выкрутасов? Короче, кто-то наверху в министерствах просто проталкивает собственную карьеру, вот и вышел наверх с инициативой. Сволочная морда, массаракш! Готов ради удобства своей маршальской задницы принести в жертву кучу бомбовозов, да и летного состава тоже. Не понимает, что ли, что его же самого потом, после подскока в бомбовозно-воздушных силах аварийности в разы, по головке не погладят?

Да будет вечно покоиться Сфера Мира, но стратеги Королевства Ноюи решили проблему с увеличением дальности полетов по-нормальному. Причем кардинально решили. Радист-пулеметчик Бюрос-Ут очень надеялся, что до этой кардинальной идеи додумались только в его родном королевстве. Очень не хотелось бы, чтоб в тоталитарной северной Империи до сего тоже докумекали. Тогда все преимущества зазря.

3

Раньше ведь было как? Все выкрали друг у друга ядерные технологии: уже неясно, кто же был зачинателем процесса. Так же точно и ракетные. Ну, индустриальный век на дворе – поставить всю катавасию на конвейер дело нехитрое. Одна ракета, две, десять, малой дальности, среднего радиуса, межконтинентального фасона, хотя континент всего один, но что есть, то есть. Теперь уже все запутались, у кого сколько: пальцев на руках не хватает. ЭВМ, понятно. Все равно уже неясно, кто кого сколько раз припечатает, если все-таки начнется. Так еще бомбовозы, твою в качель, массаракш! Сколько на том, на этом? Кто пустит тебя в кабину? Тем паче в бомболок? Остынь. Короче, равновесие страха. Массаракш! Гарантированное, с печатью, взаимоуничтожение!

И что? Экономика, блин, она ж все вперед! Все, понимаешь, правительство за горло. Давай доступ к сырью, контра! Гони новые рынки сбыта, бюрократ подмоченный! Но какие ж теперь рынки, дядя? Ты у них колонию «опс! хав-хав!», а они тебе ядреной дубинкой. Ты, конечно, тоже за свою – и... Итог, тюня? Сказано ж, «гарантированное взаимоуничтожение». Яйцеголовые считали, напрягали морщины лбов. Никак не обойти, понимаешь! А экономика – ей все по барабану: «рынки сбыта! рынки сбыта!»

Но яйцеголовые все ж напряглись. Имперские, ясен пень. А что? У них подчиненных рабов в тоталитаризме – не мерено, казна завсегда – «полна коробушка». Но и секретность до поры тоже соблюли, гады. Надо же!

В общем, десять иль двадцать лет в лесах за Голубой Змеей что-то курочили. Рыли, углублялись. Пустили балду, мол, раскопки, то се. Палеонтология какая-то, древние ящеры с тремя головами. Или даже золотой запас допотопных цивилизаций. Вычитали в глиняных табличках, а теперь... Академики, те – массаракш-и-массаракш – уши поразвешивали первыми. Висят уши, что сливы. Лапши на них столько, что уже вроде как не слива, а кокос. Ну а академики очки-то не протирают. «Возрождение науки! Мезозойские ящерки – главное, что нас объединяет! Дадим каждой школе по скелету трицератопса! Ну, хотя бы по хвосту!». Фолианты от пыли бархоточкой «шир-шир» – протирают, в смысле. Диссертации в столицу эшелонами прут. Очереди за грантами – куда там исторической битве на мечях в степях Кальмиус-Ханги.

Не, умным-то ясно-понятно, они ж не академики и не члены-корреспонденты. Какой балбес в очистку окаменелостей вбухает полбюджета? Да хоть в древние клады? Пусть там и сто тонн платины. Если встречно десять миллионов тонн железобетона – это о чем-то говорит. Как же, сцелидозавра вы там бетонируете, ага, ага!

Разумеется, соседи, у кого пальцы на кнопках, думали – все как обычно. В общем, под видом извлечения каких-то ихтиозавров буравят особо глубоко врытые, сейсмоустойчивые шахты МБР. Делов-то! Ну будет у северной Империи чуть больше «континенталок», и чего? Если сунутся в плохо колонизированные, до сей поры честно-пречестно не поделенные территории центральной части материка, обидят ничьих до сей поры аборигенов, мы им все едино вломим так, что никакие новые боеголовки с аэробазами не помогут. Кто ж думал, что имперцы в этот раз окажутся хитрее, чем обычно?

А они, тоталитаристы настырные – массаракш-и-массаракш, – создали первый и единственный на Сфере Мира район противобаллистичекой защиты – ПБЗ. Это по-тамошнему так зовется. А по-ноуйски – очаг противоракетного уничтожения – ОПРУ.

И теперь все изменилось.

4

Несмотря на секретность вопроса, но скорее благодаря передаваемым шепотом легендам, Уксун-Бу точно ведаёт, почему первые пилотируемые гиперзвуковики не вернулись на базу. Дело, разумеется, не в болтиках-гаечках, не довернутых на полшишечки. После первой катастрофы следующую машину разобрали, просветили под лупой каждый квадратный миллиметр, отсканировали и каталогизировали отпечатки пальцев, обнаруженные на листах титана и алюминия, а затем снова собрали. Причем если какой-то дважды дипломированный рабочий крутил гайку, то за процессом наблюдала парочка докторов наук, и уж, разумеется, не филологов каких-нибудь. Но поскольку и следующая машина ушла вверх, а вернулась вниз только в виде окалины, воткнувшейся в ледник Погибших Альпинистов, то взялись за пилотов.

Просканировали томографом каждую косточку. Все подозрительные зубы выдрали, заменили пластмассой. Массаракш его заberi, но вдруг в окрестностях Мирового Света всякая микротрещина в эмали разрывает моляры и премоляры, как граната? Осколки врезаются в мозг, и... Словом, когда ты за штурвалом сверхскоростной машины, а отделы мозга, отвечающие за тонкую подвижку пальцев, почему-то – вообще-то, из-за разрывов нейронных сетей зубной шрапнелью – не получают сигналов от лобных долей, отвечающих за логику, то...

Мозги, естественно, тоже не забыли. Придирчивые маньяки-психологи провели с кандидатами несколько суток задушевных бесед. Отсеяли всех, кто типа «с детства мечтал быть пилотом, и вот теперь счастлив, ибо...». Мало ли что с этими восторженными происходит за непробиваемым слоем серебристых облаков? Вдруг у них от эйфории кровь бьет не туда, куда надо?

Конечно, подсустились и «наблюденцы за нутром». Еще раз просеяли биографии предложенных в дело летчиков. В общем, после густых грабель и пылесоса спецслужб в деле остались самые-самые. Нервы – стальные канаты. Мышцы – можно использовать в якорной цепи. Координация – муху на лету хлопнут не глядя, причем в опрокидывающемся автобусе, полном бабушек с корзинами. Память, сноровка, профессионализм – таких людей не бывает.

Однако очередной самый-самый умудрился снова вспахать... нет, даже мимо ледника Погибших Альпинистов промазал, булькнул в океан.

Ну, в общем, Уксун-Бу четко знает, отчего ледник в горах Хафиф-Кольдильер – самое ненавистное место генеральных конструкторов. Виновны все же мозги. Самые лучшие, самые проверенные мозги дают сбой, когда человек на гиперзвуковой машине выскакивает выше слоя перистых и прочих облаков. Лицезрение Мирового Света в упор превращает неподготовленнейшего пилота в полного кретина: «Что такое? Где я? Что это за рукоятки? Зачем столько цветных стекол со шкалами? И что это за трубка тянется к моему лицу?» Потом, разумеется, ледник Погибших Альпинистов, накатывающийся со скоростью пять Махов.

В общем, Уксун-Бу четко знает, почему смотровые окна задраены свинцовыми заслонками. Это заглушки, хранящие его от помешательства. Но, как и все прочие, в том числе даже самые мудрые главные конструкторы, он не знает, ОТЧЕГО человек вблизи Мирового Света сходит с ума. Там, внизу, на всей Сфере Мира, этого не знает никто.

5

Трижды-майор Таваса-Пи – человек со странностями. Но в авиации на странности смотрит спокойно. То, что ты добровольно влезаешь в какую-то железную дуру, а потом поднимаешь эту винтовую хреновину чуть ли не к перистым, – уже такая странность, что дальше все равно некуда. Вера в то, что какой-то керосин будет держать жутчайшей формы конструкцию, которая к тому же тяжелее воздуха, часов эдак пять – десять где-то там наверху, ничуть не лучше веры в колдовство. Так что мелкие странности в привесок к главной простительны. Тем более Таваса-Пи командир, а командиров без придурковатости не бывает: все, кто служил, ведают об этом досконально, причем узнают в тот же миг, как впервые напяливают сапоги. И вообще, Таваса-Пи нужно, по идее, быть не просто малость «того», а пришибленным на всю голову. Есть ли другие варианты, когда твоя работа заключается в таскании над континентом одной, двух, а то и четырех сразу атомных «хлопушек»?

Именно потому никто из экипажа никак внешне не реагирует, когда главный на борту изменяет начало привычного опроса о готовности на какую-то импровизацию.

– О Мировой Свет! Прости меня грешного за то, что я на некоторое время подтяну к твоим чертогам кучу всяческой опасной дряни. Не ослепи меня досрочно, ибо рано или поздно все мы попадем в твои пенаты, чего и я не избежу. И ты, Сфера Мира, прости, что отрываюсь от предписанного двуногим созданиям топтания исключительно по суше! А еще прости за то, что нынче буду вынужден солидно потревожить твой покой и твердь.

Остальной экипаж молчит и даже не переглядывается украдкой. Вовсе не исключено, что кто-то из них со временем сам станет командовать бомбовозом и мало ли что за этот срок случится с их собственными мозгами. Мало ли какие демоны обоснуются в промежностях извилин под черепом. Тем более уноситься в дебри философских размышлений окружающие, в общем-то, не обучены, да и времени нет.

Совершенно не изменяя тона, командир эскадрона переходит к делу.

– Пилот «один». Фиксирую, что все вверенные тумблеры находятся в указанном инструкцией положении. Измерительные датчики проверены и исправны. Гидросистемы управления заполнены, рычаги двигаются, – сообщает он согласно взлетному ритуалу, а также для всех на борту и, естественно, для записывающей аппаратуры. – Пилот «два»? – двигает он дело далее по формуляру.

– Пилот «два», – говорит пилот «два», зам. командира, его друг и единожды-майор Гуйо-Сю. А потом, что «так да так, да то и это».

– Штурман «один», – называет следующего Таваса-Пи.

«Так, мол, и эдак, да еще вот эдак так», – отвечает штурман Редесйя-Чи, причем не только в смысле того, что всякие там расчеты топлива по маршруту выверены, нужные карты в планшетах и прочие штурманские пирожки тоже где надо, а еще, мол, передняя пулеметная машинка тип-топ исправна. Потому как Редесйя-Чи одновременно еще пулеметчик «один», но за пулеметную машинку он будет отвечать только лишь во время полета над океаном. В плане штурманской работы его вотчина – суша.

Потом слово, согласно известной всем присутствующим пьесе, передается штурману-навигатору Баньолу-Су, который тоже рассказывает, что, мол, все в ажуре, гироскопические системы ориентации, как основная, так и резервная, раскручены, запитаны, их резервные батареи тоже, типа того, что «ок». Ну и компасы, само собой. А еще, повторяя пройденное, что, мол, «пулеметная машинка „один“ заряжена, смазана и патроны в лентах не ржавые». И все снова выслушивают эту уже известную истину, ибо Баньолу-Су, он отвечает за те же пулеметы, только вот сейчас, во время полета над сушей. А уж с океаном он будет разбираться в свой черед. И дай Мировой Свет, чтобы действительно с этими хрупкими

гироскопами и компасами ничего не случилось, потому как топлива у бомбовоза, конечно же, хоть всю Сферу Мира облететь, но как-то не хочется шлындрыть над волнами неприка-
янно.

Теперь доходит до Ресима-Уса, бортового инженера и все такое. Он долго перечисляет, чего и как, потому как приборов перед его носом ничуть не меньше, чем перед сидящими в первом ряду пилотами, а шкалы тех приборов такие, что мама не горюй.

Ну, теперича отчитывается Гюра-Зи. У некоторых, кто служил ранее на бомбовозах обычного типа, в этот момент ушки на макушке, ибо такого спеца нет на борту никаких самолетов в мире, только вот у них, на «Принцессе Кардо». Потому как Гюра-Зи не просто инженер, но инженер-физик. У них на борту собственная инфраструктура для добычи энергии – атомный реактор. В этом плане предыдущий доклад штурманов о достаточности топлива некое словоблудие. Чего мерить топливо, если его на массараکش ведаёт сколько лет? Но у бомбовозно-воздушных сил свои традиции, никуда не денешься.

А тут уж докатывается и до Бюрос-Ута, опережая некоторых прочих, даже тех, у кого поболее звание, потому как Бюрос-Ут все же не абы кто, а бортовой радист. Да не просто радист, а радист-шпион, и помимо еще и радист-пулеметчик. И Бюрос монотонно, но разборчиво бубнит, что, мол, так и так, и рация «один», и рация «два», все мигают лампочками, и диапазоны те-то и те-то прослушиваются, а еще, типа, запасные триоды с пентодами – все здесь, под рукой, да и отвертки тут же. Да и с заднеполусферной пулеметной машинкой, за кою Бюрос ответствен, тоже все «майна-вира».

– Как новое спецоборудование? – уточняет командир бомбовоза. И правильно делает. Ибо этот подпункт совсем новый и не предусмотрен первичной инструкцией. И потому радист-пулеметчик кивает сам себе и довешивает, что, мол, так и так, новое оборудование закреплено надежно, приведено в готовность и когда понадобится, то тут же будет прогрето, запущено и т. д.

Тут уж докатывается до штурмана-бомбардира Тэшэ-Ки. И он бодро строчит, что бомбовые прицелы что надо, а кнопки отпирания подбрюшных створок «Принцессы Кардо», тоже, мол, всегда готовые.

Доходит, наконец, и до «бортового бездельника», или «катальщика за зря», как его кличут в экипаже, Чирини-Ука. Он на борту как бы второй физик, ибо отвечает за загруженные в отсеки атомные боеголовки. Он – оружейник «два». И он вправду бездельник, потому что может похрапывать хоть всю дорогу туда и обратно. Только вот без него от боеголовок толку исключительно «нуль». Их, конечно, все равно можно сбросить, но тогда максимум, что они могут натворить, – это проломить кому-то крышу. И потому Чирини-Ук вяло докладывает, что такие-то «изделия» находятся на борту и нужные насадки прикручены к ним куда надо. По большому счету, физик-инженер Чирини мог бы сейчас с чистой душой сказать всем «до свидания» и выбраться в люк на землю, сделав всего одну вещь. В отличие от нормальных бомбовозов тут не получится в процессе полета покинуть кабину и пробраться в бомбовые отсеки для накрутки и взведения этих самых насадок. В плане его бомбового ведомства единственное, что он может, это ввести по проводам коды отключения блокировок. Если он сделает это прямо сейчас, то все будет в доскональной готовности. Но тут опять же действует привычный стереотип в подходе к эксплуатации тяжелых бомбовозов. Вот присутствовали же раньше оружейники «два» в боевых экипажах завсегда? Пусть и сейчас катаются. Мало ли что с этими «специальными» боевыми частями может случиться?

Короче, дело близко к концу. Потому как дошло до Лютфэна-Бе, который вообще-то пилот «три», и потому покуда ни за что не отвечает, только лишь за самого себя. Типа, что он вот тут и всегда готов заменить хоть первого, хоть второго пилота, если там что не так, аппендицит, понос или вражеский осколок. Ах, да! Он еще, оказывается, пулеметчик «два» и отвечает за ту пулеметную машинку, что торчит поверху фюзеляжа «Принцессы».

Фух! Ну, ныне тут на борту отмучились, и трижды-майор переключает внимание на других подчиненных. Ведь он не только командир этого конкретного бомбовоза. У него в деле еще три таких же. Там к этому времени провели свой собственный тест-опрос, так что командиры тамошних машин бодренько шурудят по радио, что, мол, «полный порядок» и «сплошные плюсики». Только у них в отличие от внутрибортовой возни все идет кодированными фразами. Типа: «помидор зеленый» или «покраснел». Все ж понимают, что радио, оно вещь такая – разносит весть по всей округе или даже по всей Сфере Мира.

Само собой ясно, что столь долгая канитель с подготовкой к взлету годится именно для бомбовозов, никак не для каких-нибудь истребителей-перехватчиков. Те, если будут так распинаться, ни в жизнь не догонят ни один вражеский бомбовоз. К тому же сейчас можно и не очень торопиться с докладами, в конце концов, время-то еще не то чтобы совсем мирное, но не предельно военное. Так, покуда в стадии вялотекущих экваториальных конфликтов. Однако все на борту понимают, что, когда они взлетят или, точнее, доберутся до отмеченной в картах штурмана Редесйя-Чи точки, мирное время закончится. Выходит, они не просто какие-то авиаторы-бомбовозники, они – гвоздь программы!

6

Ответить на вопрос, от чего сходят с ума пилоты экспериментальных гиперзвуковых самолетов, могут только те, кто взглянет на проблему извне. Хорошими кандидатами в отгадчики являются земляне, но они появятся в здешних краях сравнительно нескоро. Так что покуда никаких претендентов не наличествует, и узнать ответ неоткуда. Все, включая летчика-стратосферщика Уксуна-Бу и даже знающих чуть больше докторов-психиатров, рассматривающих за когда-то возвратившимся на Сферу Мира пилотом «номер четыре», догадаться о правде не смогут никогда. «Номер четыре» раздает им подсказки, но не способен заснуть без успокоительного укола. Он все время твердит про какое-то «черное, черное пространство везде», «миллион дырок от иголок в небе», «резаная половина камня, похожая на гнилой сыр, висит посередине», но никто из санитаров все равно не докумекает, о чем речь. Разве что сильнее стянут очень-преочень длинные рукавчики рубахи и поднесут двойную порцию таблеток перед манной кашкой.

Ни одна душа на планете Саракш не ведает, что «черное пространство везде» может существовать не только в голове безумца, но и на самом деле. Да, вообще-то, никто тут и не воспринимает понятие «планета», а не то что конкретный «Саракш». Когда смотришь с поверхности Саракша вверх, создается впечатление, что мир накрыт сверху чем-то наподобие большого оцинкованного ведра. Данное небесное тело имеет в атмосфере слой серебристой субстанции, образованной чем-то сходным с земными перистыми облаками, плюс особый вид северного сияния, только разлитый по всей поверхности. Да еще жуткая рефракция, искажающая дальнюю перспективу и попросту отменяющая горизонт. И потому выход за пределы этого экрана сталкивает человека с невиданным доселе феноменом – звездным небом. Где-то на траверзе, среди этих жутких для неподготовленной психики ярких точек, висит совсем уже страшнящая местная луна. Требуется быть безмозглым травоядным, чтобы перенести подобное зрелище и не свихнуться.

Но Уксун-Бу задраен в гиперзвуковой капсуле надежно и, следовательно, защищен. Он как герой Одиссей, привязанный к мачте и с ватой в ушах: никакие Сирены ему не страшны. Правда, и про историю Одиссея на этой планете ничего не известно. Тутотняная цивилизация кастрирована сразу во многих смыслах.

7

Кроме знания своей военной специальности, а также всяких премудростей, помогающих существовать в быту, Бюрос-Ут имеет еще и личные убеждения. Например, он полностью убежден, что его родная страна – Королевство Ноюи – безоговорочно самая лучшая в мире. Еще он знает, что народность, населяющая королевство, самая мудрая из всех наций на Сфере Мира. И вообще, по идее, его Ноюи давным-давно должно именоваться вовсе не королевством, а империей. В самом деле, «Империя Ноюи» звучит куда значительней. Разумеется, покуда не хватает только лишь самой империи. В смысле занятая нынешней Ноюи площадь не слишком велика. Тут даже спорные территории экваториально-восточной оконечности Большой Суши не совсем выручают. То есть даже если споры решатся в пользу Ноюи, то и тогда в плане империи будет негусто.

Но ведь – ну-ка, вспыхни, Мировой Свет, с новой силой! – для чего Бюрос-Ут и сотоварищи режут ныне винтами атмосферную серость? Ежели у них что-то получится, то самую большую раковую опухоль материка – империю северян – удастся загнать в угол. И тогда Ноюи достанутся не только спорные земли Корпытомуса, но может, что-нибудь еще. В самом деле, после осуществления плана весь Временный Оборонительный Союз поймет, что роль Ноюи не сводится к простому рядовому членству. У любого союза государств обязан быть лидер. Почему бы Ноюи не стать таковым? В конце концов, после принуждения северной Империи к капитуляции будет вполне оправданно заставить ее пустить на свои приграничные территории военные миссии и даже инспекции. А кто, как не государство Ноюи, может претендовать на посылку инспекций и даже... Да будет Мировой Свет пульсировать всегда!.. Почему бы не ввести в некоторые провинции северной Империи ограниченный военный контингент? Дабы оный, в случае чего, силой поддержал требования миссий по демилитаризации приграничных районов.

В общем, в преимуществах своего народа, а также в том, что его роль в истории принята и учитывается совершенно недостаточно, радист-пулеметчик Бюрос-Ут был убежден доподлинно. Смущало одно. Бюрос-Ут был все же не просто бортовым радистом и уж тем более управляющим хвостовой пулеметной машинкой, а радистом более высокой квалификации. Он был, как-никак, радистом-шпионом второго уровня, а это что-то да значит. Ну, а любой радист-шпион, само собой разумеется, обязан знать иностранные языки. Вот именно тут и проявлялось противоречие. Знание чужих наречий пробивало брешь в системе убеждений и ценностей. Служебный допуск к прослушке вражеского и союзнического радиоэфира создавал странное ощущение дежа вю. Дело в том, что, судя по «вражеским голосам», каждое государство единственного на Сфере Мира континента считало именно свое население самым-самым. Разумеется, объяснялось все это достаточно просто. Любое из правительств, конечно же, не могло признаться в своей некомпетентности и в некоем самозванстве на лидерство, вот и ублажало подчиненные народы в их собственной исключительности. Тех, кем управляешь, надо ведь не только бить, но хоть время от времени еще и гладить по головке. Однако нехороший осадок оставался. Ясно-понятно, что Бюрос-Ут никому о своих сомнениях не говорил. Что можно доказать дуболомам из контрразведки, зовущимся в военном народе «наблюденцами за нутром»?

Вообще, присматриваясь к жизни, Бюрос-Ут уяснил, что почти все радисты-шпионы рано или поздно попадали на заметку к «наблюденцам». После этого судьба их складывалась по-разному. Одни возвращались с собеседований, другие убывали в неизвестном направлении так быстро, что даже вещички в общежитии забывали. Правда, некие посыльные очень скоро все их имущество увозили в ту же неизвестность. Но мало ли, вдруг это было просто внезапное повышение по службе? В конце концов, радиошпионаж – дело секретное.

Не исключено, что парней-радистов вовсе не арестовывали, как шептались некоторые паникеры, а попросту назначали куда-то в высшие сферы. Вдруг даже в придворное министерство иностранных дел? Кто знает?

Сам Бюрос-Ут в придворные неизвестности не стремился. К тому же он действительно любил летать. В свое время он даже пытался сделаться пилотом, но каких-то природных данных, некоей известной исключительно летчикам «нужной струнки» у него не оказалось. Он сумел обмануть судьбу и зайти с другого боку. Радисты-шпионы королевству тоже требовались. Просто добавочно к навыку бегло переводить разговорную речь и радиоперехваты пришлось еще изучить радиотехнику. Хорошая память тут тоже не подкачала, потому довольно скоро Бюрос-Ут научился разбирать, распаивать, а затем делать обратную операцию с ламповой радиостанцией «Ку-ку» чуть ли не с завязанными глазами. Паяльник одно время даже стал его любимым инструментом, помимо радиоключа. И тем и другим инструментом он научился пользоваться как с правой, так и с левой руки.

Своему переназначению из разведывательно-штурмовой авиации в бомбовозную Бюрос-Ут обрадовался. Он, правда, не делился своей радостью вслух, потому как некоторые бы его не поняли. Переназначение переводило его в несколько другую категорию. Относительно прошлых шпионских полетов – в более низкую. Ведь теперь его основными функциями становились именно обязанности радиста. А к тому же еще и стрелка оборонительного вооружения. Все-таки «пулеметчик» куда более низкое назначение, чем «переводчик». Особенно если он близок ко двору. Ну, в смысле попасть переводчиком в придворцовые посольские эмпирии при атташе если и возможно, то гораздо вероятнее из шпионов-радистов, чем из радистов-пулеметчиков.

Но Бюрос-Ут совсем не горевал. Именно теперь он оказался гораздо ближе к своей несостоявшейся когда-то мечте – обратиться в летчика. И если поначалу он летал на «Джунгариптере» – самолете КП для управления штурмовиками, который старался держаться от места боя на порядочной дистанции, – то теперь он оказался в кабине тяжелого бомбовоза. Причем уникальной марки. Наверняка именно поэтому тут и требовался не просто радист-пулеметчик, а радист-шпион, а заодно уже и пулеметчик. Так что ныне у Бюроса-Ута имелся под руками не только радиоключ, но еще и кнЮппель дистанционного наведения заднеполусферной пулеметной машинки.

8

Ну вот и... Все в корне изменилось! Массаракш-и-массаракш! Вывернем, как говорится, Сферу Мира наизнанку, а потом еще раз вывернем, для возвращения на круги своя. Ибо все реально вернулось назад.

Какие – да не померкни Мировой Свет! – баллистические ракеты? Какие – понимаешь! – эксгерцогские бомбовозы? Если Империя построила ОПРУ – противоракетный щит...

Ныне сколько туда не пуляй, все «пых-пых» перехватывается на ходу. Надо же, чертовы карапузы состряпали даже НЯ! Неядерный Перехват! Могут сбивать любой бомбовоз, ракету, боевой дирижабль. И только кляксы невыработанного топлива в вышине – «хлюп-хлюп». Словом, Империю пальцем тронуть не могли – она все пальцы отщелкивает вмиг. И еще прикрыли этот Очаг противоракетного уничтожения так, что никакой диверсионной группе не пробраться. Автоматические пулеметные машинки, мины с самонаводкой, ходячие огнемётные автоматы. Какая там диверсионная группа? Туда армию с тяжелыми танками с моря вдвинуть – удобрит местность человечиною и железом, а не просочится и на километр.

Короче, ситуация – пат. В смысле вернулись к тому, с чего начали. Теперь северный монстр получил возможность снова, как и прежде, заграбастывать неоприходованные территории. Конечно, можно поспорить, потягаться в силище. Покидаться в этих провинциях тактическими ядерными. Поиграть, так сказать, в бильярд на стороне атомной мелочевкой. Но метрополии Империи больше не получится причинить никаких увечий.

Ну и началось, разумеется. Новый колониальный бум! Все пилят белые пятна континента. Кое-кто нашел в океане какие-то островки. Толку от них, если там и ступню-то негде поставить? Иногда в нервные времена бьются перочинными ножичками. В смысле ядерными зарядами пониженной мощности. Чтоб не провоцировать, понятное дело. А то, все же, у северян ОПРУ, а у остальных – даже у Временного Союза в целом – фига с маслом. Словом, надо бы что-то делать. А что?

И тут на кабинетных коврах скромного Королевства Ноюи нарисовался Дядя Дарест. Вообще-то его угораздило всплыть не в королевской опочивальне, а в акционерном «Обществе обороны и нападения» – ООН.

9

Бомбовоз марки «Принцесса Кардо» – это вам не «трали-вали, дили-дили». Винтов у него, может, и меньше, чем у какого-нибудь «Птеродактиля», но в этом ли суть? У «Птеродактиля», конечно, восемь – по четыре на плоскость, и тут уж ни сесть, ни встать от удивления. Куда деваться? Достижение мирового класса, что ни говорите. Каждая лопасть почти четыре метра: атмосферу бултыхает, что тот ураган. У «Принцессы Кардо», ясный массаракш, поживе будет, но зато у нее талия – держи-подвинься! Ширина корпуса в центральной части – десять метров с гаком. Какого «Птеродактиля» так разопрет? То-то.

Конечно – да вспыхнет Мировой Свет с новой силой! – столь наглядная талия не всем девицам к лицу. Посему «Принцессу» чуть поначалу не переименовали в «Черепашу». Но видимо, все и вся подозревающие головастые малые, иногда встречающиеся среди представителей спецслужб, все просчитали наперед. «Черепаша» – слишком заметное название. Начнет мелькать в донесениях, глядь, а северные имперцы уже все пронюхали. А «Принцесса» – она среди прочих всяких «Королев» как-нибудь пропихнется.

Понятно, при первом взгляде на «Принцессу Кардо» не каждый в нее влюбится. Все ж эта горбатость, утолщение это чертово, красоты не прибавляет. Пожаловаться бы кому, но тут как тут парни с секретной тетрадкой: «Распишитесь, будьте любезны, о том, что нигде и никогда, даже под пыткой не поведаете о том, что у „Принцессы“ такой горбина и такая, извините, талия». Ну, ты ручкой «чирк», и теперь уже только сам в себе переваривай.

А куда деваться? Служба. Волноваться сильно не стоит – смеяться над тобой некому. Бомбовозный эскадрон сверхсекретный. На парад в честь Коронации «Принцессу» – ни-ни. Кто ж узнает, что ты на таком вот чудо-юде под цинковыми небесами колесишь? Те, кто в курсе, они все тут – наточки! Рядышком в креслицах сидят, поверх кислородной маски косят на тебя глазом. А что? Все чинно-благородно. Все в одной кабинке набиты, как огуречики в банке. Это на всяких «Птеродактилях» пилоты – тут, штурманы – где-то дальше у большого стола, пулеметчики рассованы вообще массаракш ведает где. В килевой части, считай, целых два да еще по одному на оконцовках плоскостей. Надо же, даже там им пулеметные машинки приторочили. Бедняги шалеют в одиночестве, особенно когда плоскость враскачку идет, если винты неаккуратно сбалансированы. Так еще у них там два пилота-истребителя чай попивают, потому как в кабинки своих ястребков лезут, только когда уж действительно горячо. Типа насели какие-нибудь заразы-враги так, что спасу никакого. Да уж, толкотня у них там. В смысле, нет. У них как раз простору внутри – хоть в теннис играй.

А вот в «Принцессе Кардо», здесь – да! Весь лично-наличный состав – экипаж машины боевой, «черепашки» этой недоименованной, все туточки. Потому что инструкция. Массаракш ее два раза! И вроде как забота о здоровье. Экипажа, понятный пень, не таракашек же, кои где-то там, двенадцатью тысячами метров ниже метушатся, когда на них сверху бочонок, отороченный крылышками и с напалмом внутри, пикирует. А об экипаже заботятся – да. Зачем же, чтобы от всякой радиации страдал потом лучевыми болезнями. Не, не от всякой, ясен массаракш. Не от той, что от Мирового Света фонит или там от какой-нибудь плохо дезактивированной почвы внизу. Медики заботятся, чтобы экипаж «Принцессы» не подхватил лейкоз от собственного движка.

Ну да, вот именно! Сердце это – пламенный мотор «Принцессы Кардо», – почитай, не на каких-нибудь бензинах-керосинах вонючих. Он, пойми правильно, маленький такой, компактенюк ядерный реактор. Настоящий, без балды! Потому и горб этот с талией. Не вмещался в обычный, штатный бомбовозный фюзеляж.

Конечно, из-за этого утолщения у «Принцессы» несколько хуже маневренность. Но зато ее шесть винтов могут крутиться двадцать – тридцать годков кряду. Подшипники

сотрутся, а они все будут пыhtеть, рубить атмосферную невесомость без всякой усталости. Ядерная энергия – это, братцы ноюйцы, сила!

Правда, экипаж пришлось согнать в освинцованную капсулу. А куда денешься? В тесноте теперь, но не в обиде. Все в одном флаконе, и пилоты, и штурманы, и радисты с пулеметчиками. Все одинаково ни зги не видят. В смысле никаких тебе иллюминаторов и стеклянных окон. Весь мир – исключительно через экраны телевизоров. Черно-белые к тому же. В общем, даже дальтоники вполне можно на «Принцессе Кардо» тянуть служебную лямку. Таких вроде среди присутствующих не имеется. Зато в экипаже наличествует спец по реакторам. Сидит скромненько, чему-то там на своих шкалах дивится. Серьезный такой, в очках, отзывается на Гюра-Зи. Выражение лица – более каменных не бывает: где только такого нашли? Хоть как за ним приглядывай, а все равно не угадаешь, наверное, когда этот самый бортовой реактор пойдет вразнос. Ладно, стоит надеяться, что как-нибудь протянет, хотя бы до конца рейса.

Рейс нынче – не просто абы что. Полетать, типа поэкспериментировать. Ныне часть маршрута проляжет над северной Империей. И очень даже кстати, что у «Принцессы» реактор. Истребители имперские пусть хоть сколько стреляют, а горячее на борту не воспламенится – его тут попросту нет. Да и экипаж! Не зная, никогда не догадаешься, в каком месте фюзеляжа расселись: фонарь кабины отсутствует начисто.

В общем, атомный бомбовоз – это сила. А если б имперцы еще ведали, сколько всякой атомной всячины и какой мощи в него сегодня окромя реактора напихано... Они б, наверное, все скопом покончили самоубийством еще до его подлета.

Очень хотелось бы верить, чтобы так и случилось. Сделали б это хотя бы расчеты зенитных орудий. Тогда бы стало гораздо легче и спокойнее освобождать толстющее чрево «Принцессы Кардо» от ядерного добра. Но ведь, согласно плану, кое-кто должен вроде позаботиться о мешающих воздействиях локационных станций внизу. Жаждется верить, что у этих расторопных ребятишек что-то получится. Иначе...

Вот же неохота впуливать в Империю штопором на этой несуразной толстющей каратице. О, Мировой Свет! Будь другом, убереги от подобного позора.

10

Позже ходили слухи, что Дядя Дарест-Хи чуть ли не в первый заход в Его Величества Королевский Генштаб прошлепал по коврам, с ходу пнул туфлей массивную дверь, отодвинул адъютанта-секретаря, махнул «вольной!» часовому с алебардой, прошествовал к доске, под опешившими взглядами генералитета отобрал мелок у трудящегося руку полковника финслужбы, пытающегося рассчитать, от скольких башен на достраиваемом дредноуте «Грохотун» придется отказаться в связи с введением новой полевой формы одежды, и с места в карьер начертил схему сокрушения северной Империи минимумом сил, средств и мозговых ресурсов генералитета. И тогда, мол, старый подслеповатый маршал атомно-гранадерских войск Йярын-Ча расчувствовался, прослезился и с ходу назначил его старшим политолого-советником выездной конно-сессии минноядерноподрывной службы. Вроде бы со словами: «Ну слава Мировому Свету! Я все же дожил до дня, когда в этом штабе родили, наконец, достойный рассмотрения планчик».

Разумеется, в действительности все было не так трогательно и не столь быстротечно. Дядю Дареста-Хи тогда и Дядей-то еще не называли. Кликуха приклеилась к нему позднее и не совсем ясно, почему. По слухам, так его обозвал когда-то атташе-герцог Ран-Нэ. Окликнул его, перемещаясь по коридору. Типа: «Ну-кс, дядя, а чего вы тут шастаете без формы?» Но, скорее всего, это тоже была легенда чистой воды, приклеившаяся к Даресту-Хи задним числом.

А вот для теперешнего радиста-пулеметчика Бюроса-Ута, тогда, правда, еще ходящего под стол пешком, знатный ныне Дарест-Хи был действительно дядей. Просто дядей. Братом мамы. Пару-тройку раз они с этим «просто дядей» даже играли в «потопи кораблик с суши» и в «танко-шахматы». Играть с «просто дядей» Дарестом было до жути интересно, потому что он никогда и нисколько не поддавался и страшно переживал, когда ему не везло на кубики и дело скатывалось к «последнему доводу танко-королей».

По слухам, крейсирующим уже только в пределах семейства Бюроса-Ута, карьера дяди была не столь безоблачной и стремительной. Конечно, между собой и не в присутствии дяди и папа, и даже сестра-мама обзывали Дареста этим плохим словом «карьерист». Еще они перемывали ему косточки в том плане, что он «удавится за знакомство с тем или с этим». И вообще, готов «родную мать и сестру, и племянника, и всех прочих продать на дыбу за то, чтобы...» Маленькому Бюросу, конечно, не сильно хотелось, чтобы его с прочими продали на какую-то дыбу, потому что не сильно стремился оставаться с забредающим поужинать дядей наедине. Из-за этой мании, возможно, он упустил еще несколько великолепных партий в «танко-шахматы» или даже битв с бумажным корабликом в ванной комнате. Но то, конечно, дела личносемейные.

В большом мире тогда еще не «Дядя», а просто Дарест-Хи строил свою карьеру постепенно и бережно. Примерно так, как на устойчивом столе возводят башню из доминошек. Ну когда дышать в стороны башенки не рекомендуется, а подносить руки с очередной доминошкой надо со скоростью «волосинка в час». Понятно, что вначале дядя Дарест получал какое-то образование. Одно, второе, вроде бы третье. Правда, как подозревал уже повзрослевший Бюрос, образование само по себе дядю Дареста занимало мало. Гораздо больше его интересовали связи, которые можно завести, обучаясь в том или ином учебном колледже, университете или академии. И в общем, надо думать, план удался на все сто.

То есть, еще до того, как распахнуть двери в филиал Генерального штаба Его Величества Королевских военно-бомбовозных сил, Дарест-Хи прошел огонь, воду и медные трубы. Ну, или там в некой другой последовательности. Начал он с военно-промышленной палаты и общества ООН. Или, пожалуй, нет. Начал он с военных институтов. Каким-то путем, с

помощью знакомых и блата везде и всюду, он умудрился заполучить допуск во всякие закрытые для простых смертных и даже для некоторых генералов лаборатории. Естественно, он не тренькал о секретах, ужиная у сестрички. Он переваривал все в собственной голове долго и тщательно.

Не исключено, что дядя Дарест искусственно развил в себе некий дар предвидения. Досконально взвесив то и это, он как бы чувствовал, какое из только лишь нащупываемых научных направлений разовьется во что-то путное. Потом он мысленно соединял его еще с чем-нибудь, ему известным. При этом абсолютно тайным для тех ученых-изобретателей, которые делали первичное нечто. Короче, дядя Дарест мысленно комбинировал то «нечто» с этим «что-то», потом накладывал на них еще «кое-что», а в результате получал такое, что Массаракш-и-массаракш.

Кто знает, быть может, он перебрал в голове тысячу возможных комбинаций? Не исключено, он выводил это на салфетках во время ужина. Правда, правила секретности он соблюдал четче некуда. Ныне, вспоминая светлые дни детства, Бюросу почему-то мнится, что дядя всегда ходил с карандашиком, а после ужина утаскивал со стола изрисованную между делом салфетку. Мама-то, конечно, злилась, что братец «даже салфетку со стола прихватывает на хляву».

Сам дядя Дарест никаким конструктором, инженером или, упаси Мировой Свет, математиком не был. Особых поползновений к наукам у него никогда не имелось. Но вот проектер он был, видимо, отменный. Тот, что надо. И на каком-то тщательнейше выверенном этапе он сделал решительный маленький шажок. Как в «танко-шахматах». Двигаешь, двигаешь себе какую-нибудь «танко-туру» на дальнем фланге, а потом – хрясь! И это уже и не тура вовсе. Это уже «ядерно-ракетный ферзек»!

Вот и дядя Дарест таким же образом.

11

Родина снабдила эскадрон тяжелых бомбовозов атомными движками. Тут есть, конечно, свои отрицательные стороны. И какой-нибудь не в меру обюрократившийся лейтенант мог бы при случае накатать наверх толстую жалобу, что, мол, так и так, из-за этой урановой кастрюли на борту и из-за постоянных полетов наметились нелады с женой, потому как... ну там, простатит, а также... Все враки! И правильно, что подобного паникера тут же направляют... Нет, не к гинекологу какому-нибудь, а к психиатру. Потому как быть не может.

Весь личный состав «Принцессы Кардо» сидит закупоренный в свинцовой капсуле, и никакой паршивый нейтрон или там гамма-квант ни за что эту стену не проломит. Зубы обломает свои, а ни в жизнь не справится. Хоть взорвись тот реактор... Не, так сразу не стоит. Но вот если какая труба парогенератора там прорвет и бухнет наружу охлаждающая пена, то все равно, до лампочки экипажу в капсуле вся ее радиоактивность. Им главное – Мировой Свет в свидетели – всю тяжелую бандурину на специальную полосу все-таки посадить, а уж потом пусть техники. У них там освинцованные наплечники, а также висюльники, берегущие производительность семенной жидкости. Им, в конце концов, бесплатно красное вино наливают. Чего не ковыряться после стакана-двух в том парогенераторе? Тепло, жидкость вытекающая сама себя подсвечивает... Ладно, то дело аварийное. Ну этот массаракш подальше.

Короче, десять членов экипажа шестивинтового бомбовоза защищены как полагается. Тут вам не тырым-бырым. Ну и в остальных «Принцессах» бомбовозного эскадрона в плане личной гигиены от альфа-излучения тоже все чин-чинарем. Впрочем, в данном полете имеется один дисбаланс. И из-за него – с эйфорией некоторые проблемы. Одной из «Принцесс Кардо» на спину навьючен некий летательный причиндал. Оно, конечно, что здесь такого? Другим из эскадрона в отсеки напихали и тоже вроде летуче-парящее. В смысле, когда сбросишь, планирует вниз на пяти парашютах, а шелка в каждом столько, что можно трусы пошить на два полка благородных девиц.

Тем не менее наличествует жесткое отличие. Груз в трюмах «Принцесс» – это просто штатные атомно-слоеные дуры. Такое для разминки и привыкания бомбовозы таскали над океаном или до экватора Сферы Мира не один десяток раз. А вот то, что закреплено на «Принцессе» с бортовым номером «восемь», это нечто принципиально новое – гиперзвуковой управляемый снаряд. Со всего эскадрона «наблюденцы» взяли подписку о том, что никто из летчиков или пулеметчиков в глаза такую штуку не видел и знать не знает, о чем речь. «Как вы сказали? „Гипеперо...“ Как-как? Никогда не слышал столь мудреного слова».

И в общем, оно бы и массаракш с ней, с той титановой железякой. Мало ли какие железки время от времени вытаскивают из своих голов наружу яйцеголовые умники из Его Величества королевской Академии наук. Уж Бюросу-У ту-то и не знать? Если просто в океан сбрасывать подальше, топить, так и то – атомному эскадрону год кряду возить – не перевозить. Но здесь другая фишка. В заточенной под жуткую скорость титановой «массаракш знает чего» помещен живой пилот. И радист-пулеметчик Бюрос, и все остальные в экипажах прекрасно наблюдали, как этого беднягу запеленали поначалу в жуткий блестящий скафандр с десятком цветных трубок, потом в кресло – «ни шевельнись, ни пукни», а затем еще и в саму капсулу. Проверили его там... Ну, как обычно эскадронные авиамеханики проверяют укладку и готовность бомбовой загрузки. Проверили, значит, а после запаляли. В самом деле запаляли – жутким, в целый кузов грузовика, сварочным аппаратом. Ну а после приподняли краном сам гиперзвуковик и нахлобучили на «Принцессу» «восемь» вместе с двумя ракетными ускорителями. Причем поместили парня точнехонько над самым утолщением в фюзеляже. Аккурат над тягловым реактором. А ведь мужик хоть и в капсуле, но отнюдь не

свинцовой. Пожалуй, вот у кого будут отныне и простатиты, и прочее в комплексе. Но, к сожалению, не будет. Или там, к счастью. Запутаться можно с этими – массаракш! – критериями истины.

Словом, именно наличие столь не спрятанного от реакторных нейтронов с электронами живого пилота и портит всю эйфорию наслаждения безопасностью полета. По крайней мере, Бюросу-Уту. Остальных он не расспрашивал, но и им наверняка тоже не совсем уютно.

И ныне вроде можно бы вздохнуть с облегчением. Выйдя в нужную точку и удалившись на безопасное расстояние от остального эскадрона, «восьмерка» умудрилась избавиться от оседлавшего ее гиперзвуковика. Осуществить запуск. В смысле тот парень наверху, по имени Уксун-Бу, нажал там, у себя в гнездышке, что положено, воспламенил свои ракетные ускорители и с ходу махнул куда-то вверх. Шепчутся, что в окрестности Мирового Света.

И вроде бы не нужно более переживать, что он облучит реактором какие-нибудь свои причиндалы, только на душе все едино гадко. Вот неприкаянная она какая-то – душа. Даже у радистов-пулеметчиков. Ведь дело-то в том, что Уксун-Бу унесся не просто в испытательный взлет-посадку! Он ушел прямехонько в один конец. Где-то там, в окрестностях Мирового Света, но над географическими координатами имперской Крепости он обязан что-то там эдакое в своей титановой капсуле надавить. Видимо, опечатанную и тщательно опломбированную кнопку, что же еще.

Ну, и тогда то, что тоже проверяли озабоченные механики в свинцовых передничках, в соседнем отсеке его гиперзвуковой капсулы, наверное, громыхнет. Эх, не стоит в тот момент завидовать имперской Крепости. То бишь всему ОПРУ – Очагу противоракетного уничтожения.

12

Несмотря на то, что впоследствии многие были убеждены, что Дядя Дарест-Хи является двигателем главной доктрины Генерального штаба, все было несколько по-другому. На самом деле, если уж продолжать речь в духе механики, двигателем он не был. Но он был тем, кто накидывает на этот двигатель ремень, а другой конец ремня натягивает на вал какого-нибудь нужного агрегата. И таких ремешков, шестеренок и движков задействовалась целая система. Дарест-Хи знал всех и каждого в верхах. И не просто в верхах. Сами эти верха разбились на самостоятельные кучки. Тут тусовались всякие молодые капиталисты, там генштабисты, здесь ученая братия с кипящими от идей головами. Вот Дядя Дарест и протянул рабочие ремни от одной кучки к другим.

Понятное дело, большая государственная машина королевства вертелась бы и «чихпыхала» и без него тоже. Лаборатории чего-то изобретали бы, промышленники бы «шпокали» какую-то туфту с конвейера, бодрые поджарые старички с лампасами шурудили пластмассовыми ракетными модельками по макету ландшафта, примерно как молодой дядя Дарест с мальчиком Бюросом в «танко-шахматной» баталии, только с более торжественным видом. Короче, все бы что-то творили, и все бы шло в колее, пока Мировой Свет не погаснет или там Сфера Мира не решит кувырнуться как-нибудь по-новому. Но Дядя Дарест-Хи сумел всю эту суетность развернуть в совершенно новую сферу. А именно, к конечному результату.

В самом деле, на кой ляд вошкаться с северной Империей до конца времен? Ресурсов создать аналог защитного ракетного пояса, как у противника, у Королевства Ноюи попросту нет. А значит, все новые колониальные завоевания держатся на очень шатком допущении. На том, что имперцы никогда не пригрозят прямым атомным шантажом. И не колониям каким-нибудь, а приставят нож к сердцу самой метрополии Ноюи. Конечно, у нее есть союзники. Но Мировой Свет знает, не отступятся ли они, когда дело дойдет до действительно жареного?

С другой стороны, идеи Дяди Дареста открывали государству Ноюи, хотя бы в перспективе, лидирующее положение на материке. Ну а тот, кто лидирует на единственном континенте, тот, следовательно, доминирует над всей Сферой Мира.

13

Уксуна-Бу приговорили яйцеголовые. Заочно, правда, и загодя. Понятное дело, они могут умыть ручки. Мол: «Мы ничего, мы так, стояли рядом, ковырялись в формулах». Оно, да. За то, как идеи используются, они вроде ответственности не несут. Отмазка у них, конечно, глубинная. Тут не придерешься. И правда, считали там себе что-то, локационные импульсы всякие в сторону Мирового Света пускали. Осциллографы подкручивали. Разумеется, без известного всем в научном мире Дяди Дареста не обошлось. Он тут как тут. Массаракш из коробочки просто. Смазал где надо шестереночки: нашел банкиров, не ведающих, куда тратить дивиденды. Тут-то у яйцеголовых физиков-атмосферщиков и появились деньжата на серьезный «бу-бух». Естественно, такие дела без военных ни в коем разе. Со всеми генералами-единожды-майорами, у которых, кроме извилины, заведующей уставом строевой службы, есть еще хотя бы одна, Дядя Дарест-Хи за ручку. Ну и там, перспективы: бомбовозы бороздят просторы и т. д. У генералов глаза – что эполеты у маршалов; горят, в смысле. И пошло, и пошло.

Само собой, секретность, подписка о невыезде; и вообще, прикидывают, может, всем окончательно рты зашить, языки «чик-пык» – в секретку, в сейф на кодовый замок? Ну, может, кого для острастки и действительно того. В смысле под замок вместе с языком. А что? «Наблюденцам за нутром» тоже надо медали-ордена за службу нелегкую и разоблачения громкие!

В общем, там, где оборона Королевства, там и деньги. Выделили со склада завалящую «специальную» боевую часть и баллистическую соответствующего фасона. Над Королевством все-таки решили, что ну его нафиг. Да и секретность опять же. Соседи, они хоть и тоже в Оборонительном Союзе, но друг за дружкой бдят. Так что оттарабанили всю нужную инфраструктуру на небольшой островок Луппопо. Пусковую, все тип-топ. Ну и физиков-атмосферщиков этих яйцеголовых. Куда ж без них? Просто так фейерверки сандалить, что ль?

Короче, забросили эту спец-БЧ аж километров на сто ближе к Мировому Свету. Визуально, понятная песня, ничего не видать: зря долгоносики яйцеголовые попритаскивали с собой подозрные трубы и прочий линзовый инструмент. Некоторые надеялись, что после рассеивания взрывом перистой пелены удастся пронаблюдать сердцевину Мирового Света живую. Ага, как же!

Но все едино, рвануло так, что вся секретность чуть не пошла коту под хвост. В отстоящем на тысячу километров в стороне острове Хаззалг вырубиле все электричество. Куча аварий на транспорте. Несколько летательных аппаратов, лифтов и фуникулеров бухнулось вместе с находящимися там хаззалганцами. Посольство королевское из Ноюи, конечно же: «Ой-ой, какое несчастье! Надо же! Ох, жаль». В общем, концы в воду. Никто на том Хаззалге и подумать, разумеется, не мог. Ну, на Луппопо суета сует. Пусковую – подальше в океан и за борт, типа, «ручки-то вот они».

Само собой понятно, если на ни о чем не подозревавшем Хаззалге такое, то что тут в эпицентре, так сказать, под местом подрыва, если спустить отвес со ста километров. Все приборы яйцеголовых – можно смело в «цветмет». Но зато успех. Маршалу атомно-гренадерских войск Йярын-Ча доложили, он от радости чуть не подпрыгнул на высоту гипоцентра. В смысле поверил с ходу. Военные люди, они доверчивые. Если им про новые «бу-бухи» или там «тра-та-та» рассказывать, они уши сразу вывешивают, что тот спаниель: уже на погонах лежат, можно лапшу класть и класть. А здесь тем более и не лапша вовсе, правда правдивейшая – лапша «ням-ням» просто.

Теперь в дело пора и стратегов. Дядя Дарест-Хи тут как тут, а как же? Маршалы напряглись – «не спать! не спать!» – потому как двух– и даже трехизвилистые полковники в очках чего-то там, у доски, бубнят, формулами меряются с линейкой. Сочиняют, значит, тактику. Если очень неожиданно, без всяких там дипломатов и нот, некую бамбулину поболее, чем бухнули над Луппопо, гроыхнуть над какой-нибудь нехорошей тоталитарной страной, то...

Тут линейки логарифмические уже идут в ход, по очкам и по яйцеголовым лысынам. Но маршалы – «кхе-кхе» – армия все ж! Так что беседуем тихо, мирно, с присовокуплением званий и должностей; все как положено. И короче, такая песня, господа маршалы...

Как только мощнейшая бам-бумбулина подрывается километрах эдак на пятидесяти и выше, то (смотрите формулу!) в радиусе тысячи и даже больше километров – полный швах. Происходит некая реакция с электронно-орбитально-магнитно-переходным трам-тара-там (см. формулу тут и вот там – еще четыре штуки!). Назовем это для ясности, маршалы и трижды-майор-генералы, Магнитный Переворот или, по аналогии, Магнитный Массаракш. ММ, значит. От этого ММ в некоем радиусе в сотни километров вся сложная электронная аппаратура сходит с ума. По лампам-пентадам с лампами-триодами бегают непонятно какие запирающие токи. Все трещит, горит. На всех локаторах сплошной белый шум. Из индикаторов – искры. На чуть меньшей площади – вообще!.. Замки зажигания автомобилей, электрическая аппаратура самолетов, схемы ракетных взрывателей – все в некоем самовозбужденном туннельно-токопроводящем режиме и к тому же трам-тара-та-там (см. формулу такую-то!). А в кабелях связи определенной длины, даже если закопанные, то опять же – силовые линии, и правило левой руки, и трум-турум-пурум (см. форм.) Такие вот тактические, а следовательно, стратегические дела.

То есть – специально для маршалов вкратце – все локаторы наведения, обнаружения противника ничего не наводят, не обнаруживают как минимум косинус, пи, гипотенуза, логарифм трум-пуру-рум, то есть до получаса. Опять же, ракеты врага не взлетают, не заводятся, отфутболиваются обратно на регламентные настройки. Бомбовозы... «Техник, подь сюды! Почему, трам-пам-па, мотор не чих-пыхает? Ты куда смотрел? Отвертки, ключи в зубы и кожух вскрыть шагом марш!». Короче, полное подавление как оборонительных, так и наступательных способностей всей электромеханики чуть сложнее паровоза.

В плане тактик-стратегий важно то, что действие конечно по времени. То бишь через время чик-брык-там-тарам-логарифм функции восстанавливаются, и враг опять цел-невредим. А значит...

Так точно, господа маршалы, после искусственного вызова катаклизма ММ следует незамедлительно и решительно нанести по противнику уничтожающий, и победный, и сокрушительный, и самый наглавейший, и...

Ныне на острие удара пилот внесерийной гиперзвуковой машины Уксун-Бу. Именно в его капсуле находится заряд для производства ММ – Магнитного Массаракша. Эскадрон атомных бомбовозов трижды-майора Таваса-Пи – на подхвате.

14

Трудно разобраться, сколько идей Дяди Дареста пошли наперекосяк и не были доведены до ума вообще. Пусть с этим разбираются какие-нибудь биографы. Понятное дело, в будущих временах, когда со всяческих интересных документов снимется гриф секретности. Однако существовали три кита, на коих и покоилась репутация оборотистого дельца Дареста-Хи. Это – по-настоящему стратегические бомбовозы с ядерным приводом, это – сверхвысотный и сверхскоростной гиперзвуковой самолет-ракета, и наконец, это – гигамощный термоядерный супервзрыв на сверхвысоте в окрестностях Мирового Света.

И над тем, и над другим, и над третьим где-то кто-то потел и до того. Но в основном все ограничивалось некими теоретическими выкладками. В лучшем случае маленькими модельками. Никто не относился ни к одной из идей серьезно, никто не финансировал. И уж тем более никто не пытался создать из этих идей свехубойную смесь. Так что, по всей видимости, Дядя Дарест-Хи все же был гением. С точки зрения каких-нибудь пацифистов – злым гением, но тут уж дело вкуса.

Очень может быть, что не вся комбинация сложилась у Дядюшки сразу. Не исключено, что, именно страхуясь от провала, он и ставил на нескольких лошадей. Ну а уже после, когда все начинания удались, он и сообразил собрать из них свою чудо-юдо-идею. А вначале, разумеется, была долгая борьба.

Во-первых, борьба за ресурсы. Для того чтобы строить гиперзвуковые игрушки, нужна куча ценнейших компонентов. Одного титана чертова уйма. Денег требуется немерено. Причем в данном случае валюты. Как назло, титан в Королевстве Ноюи не добывался вообще. Нафиг он никому не требовался, этот титан. А тут, понимаешь: «А не выделите ли нам титана, тонн эдак двадцать – тридцать, а лучше сразу сто – двести?» Но недаром Дядя Дарест протирал штаны в престижных колледжах, а после отирался на банкетах промышленников. Заинтересованные нашлись, наскреблись и денежки. Ну и само собой, никому до того не ведомому конструктору-разработчику, на которого раньше могли смотреть только как на неприятного разносчика перхоти, теперь требовалось каким-то образом выколлотить ведомственный институт. Найти шампунь против перхоти и приучить изобретателя хоть иногда мыть голову было на таком фоне делом куда более легким. Но ведь Дарест-Хи не зря дефилировал по Его Величества Королевской Академии, правильно? Нашелся и институт, и лаборатория, и самая лучшая труба для продувки моделей планера. Понятное дело, кого-то из менее расторопных директоров учреждения пришлось для дела подсократить. Тут, вероятно, тоже не обошлось без Дяди. Шепнуть кому-то из знакомых что-то тревожное в подразделении «наблюденцев за нутром», ответственных за нецелевое расходование финансов, – и все дела. Через какой-то месячишко вот тебе и институтик без директора, и без достойной хорошего заведения экспериментальной задачи.

Примерно так же Дядя Дарест сработал и по остальным пунктам.

15

Офигеть! Мировой Свет в свидетели, это воистину исторический миг. Четверка гигантских бомбовозов пересекает границу северной Империи. У всех трясутся поджилки. И больше всех, наверное, у первого штурмана Редесйя-Чи. Он сто раз делал это в штабных учениях на карте, а теперь вот и вправду состоялось. Да и штурмана-навигатора Баньолу-Су тоже, видимо, колотит. Некоторое время назад он передал смену напарнику, а сам сел за переднюю пулеметную машинку. Его задача была в проводке «Принцессы Кардо» над океаном. С задачей он справился. Слава Мировому Свету, навигационные гироскопы не умерли и компасы тоже лишь дрогнули, когда где-то над Империей сделал свое дело пилот подвешенного гиперзвуковика. Разумеется, у Баньолу еще будет дело, если они вернутся. Ведь назад им тоже уходить по долгой дуге над океаном.

Все настороже. Те, кому положено управлять пулеметами, неотрывно пялятся в экраны. В отличие от управления оружием напрямую, сидя в «пузыре» наверху, здесь не приходится постоянно крутить шею, озирая небо. Камера, соединенная с прицелом, делает это сама, сельсины отрабатывают малейшее шевеление кноппеля. Но зато на черно-белом экране контрастность хуже, чем в реальном мире. Потому имперский перехватчик может подобраться незамеченным ближе. Это проблема. По данным разведки, у Империи появились какие-то подвесные ракеты.

Бюрос-Ут вынужден делить внимание между нахождением цели на экране и возней с рацией. Он чрезвычайно осторожно подкручивает верньеры, потом шмыкает клавишей и изучает другие диапазоны. Раций у него всего две, а ему требуется не упустить момент, когда хоть какая-то имперская станция снова начнет чирикать. Пока в наушниках просто потрескивание. Пожалуй, «белый» природный шум нынче несколько необычный. Но еще бы! По словам дяди Дареста, из каких-то заумных теорий выходит, что после подрыва ядерной бомбы в окрестностях Мирового Света во внутреннем пространстве Сферы Мира образуется какая-то электрическая дуга. Типа шнур, только не из провода. И вроде бы этот шнур может «жить» несколько лет. Все-таки чудные дела может творить человек.

Ладно, наблюдать за всякими электрическими дугами длиной со Сферу Мира – это дело яйцеголовых. Для Бюроса и остального экипажа гораздо важнее, чтобы просуществовавший всего доли секунды Магнитный Массаракш выжег к черту электронные лампы всех локаторов и противовоздушных ракет. Ну и истребителей, разумеется.

Бомбовозов по-прежнему четыре. Та из «Принцесс», что запустила гиперзвуковой ракетный самолет, идет теперь без полезной нагрузки. По идее, ее можно было отпустить на все четыре стороны, в родные пенаты. Однако, оставаясь с группой, она выполняет два полезных дела сразу. Во-первых, три пулеметные машинки вовсе не лишние при отражении налета имперских истребителей-перехватчиков. А во-вторых, когда они начнут работать по группе, перед ними будет на одну мишень больше. Откуда им знать, какой из бомбовозов уже выхолощен? И значит, шансы уцелеть для оставшихся возрастают ровно на одну четвертую. Вот такая простая жуть арифметики.

Это она самая – Арифметика Смерти!

16

Разумеется, трудностей на дороге встречалось пруд пруди. Бывало, какой-нибудь выскочка-профессор с соседней кафедры или из академической среды пытался чего-то критиковать. Мол, нерационально. Самолеты и без гиперзвуковых барьеров успешно... Но потом как-то получалось, что у того профессора отбирали допуск к секретной тематике и переводили разрабатывать что-нибудь более простое. Сковородки с покрытием, например, или более удобный мешок для пылесоса.

Трудности были.

И ладно самолеты с ядерным движком. В конце концов, даже барон какой-нибудь, живущий в состоянии опохмелки после придворных балов годами, и тот сообразит, что ничего особенного. Реактор наличествует. То, что он вырабатывает тепло, всем ясно-понятно. Тепло всегда можно обратить в электричество. А электроэнергия раскрутит тягловые винты бомбовоза. Чего особенного-то? Реактор – тяжелая штука, господин академик? И генератор – тоже вещь не легкая? А не засиделись ли вы в Совете Его Величества Академии, господин академик? Не пора ли на почетную пенсию? Или, там, инспектором по спецшколам для послеядерных дебилов в колонии Малая Нююи? Ведь не сообразили, что теперь-то этому лайнеру горючего-то вовсе не требуется, а значит, реактор бомбовоз потянет вверх за здорово живешь!

Самое сложное было, конечно, со сверхвзрывами наверху. Дело-то в секретах особой важности. Но если действительно в ракетку загрузить сверхзаряд и подорвать его в самой вертикале взлета, то массаракш его знает, что выйдет. Если судить по расчетам, то эффект будет таким, что заметят даже на другой стороне вытянутого с юга на север материка. Что делать-то? Ясный пень, за эту зацепку сразу ухватились какие-то очкарики из осторожничающих. Ну этим козявкам почетно присутствующий на заседании друг Дяди герцог Кудадо-Ге крылышки быстро так щипчиками «раз-раз».

«Молчать, бояться, яйцеголовые! Вы теоретические формулы во всю доску усекаете или не очень? Может, вас герцогской дланью прихватить да провести носами по доске, чтоб мела понюхали! Я – герцог, гувернантками в мини-юбках воспитанный, – и то усекаю, что есть такая штука, как моделирование. Взорвите что-нибудь небольшое. Потом посчитайте, как будет, если большое. Вам, очковтирателям, для какого насеста из королевского ресурса выделили время на Большой вычислительной машине? Вот и считайте. А заметят что-то там на своих датчиках наблюдатели соседних стран, так не ваше рыбье дело балакать с соседями. Есть Его Величеству подчиненный штат дипломатов. Им задачу поставят. А магнитные всякие аномалии появятся, так – феномен. Непонятный, неясный, аperiодический феномен Мирового Света. А еще раз чего-то вякнете тут против формул, так мигом пойдете... В армии служили, яйцеголовые? А, не служили! Освобождение по случаю академических дел и здоровья? Так вы дезертиры, массаракш! Я вас, массаракш, упеку отдать долг родному отечеству. Засунете цветные мелки себе в задницу и пойдете у меня исполнять военный долг на границу колонии Кальмиус-Ханги. Там как раз радиоактивно до сей поры. Вот и проведете заодно полевые изыскания!.. Э-э... Какой там у нас следующий вопрос по преискуранту, господин Председательствующий?.. Вот и ладно, вот и давайте обсудим...»

Короче, трудности имелись, но у Дяди Дареста-Хи всегда наличествовали нужные связи. Когда требовалось, они работали на все сто. Причем с каждой новой удачей эти связи множились и множились.

Гиперзвуковое ноу-хау – это вам не чих-пыхающая на двенадцати кэмэ многовинтовая этажерка бомбовоза. Тут ускорение с вибрацией такие, что у Уксуна-Бу появляется ощущение, будто слой кожи на спине отклеился и отстал от тела на метр, а тот, что впереди, втиснулся в межреберные промежутки и даже, наверное, оклеил каждое ребро кожей отдельно. Еще ему кажется, что мозг выдавило инерцией в заднюю часть черепа и уплотнило там вдвое-втрое. Это уже не мозг человека, а что-то маленькое, куриное. Но как назло, этой утрамбованной массой, все едино, требуется думать. Глаза сведены в пучок, но ими надо отслеживать показание дурацких стрелок, потом сопоставлять с чем-то вызубренным непонятно когда и где. Теперь надо напрягаться, преодолевать жуткую неподъемную силищу и обхватывать не слушающимися перчаточными пальцами рычажные рукоятки. Массаракш! Этой несущейся со скоростью пять, а то и семь махов штуковиной надобно еще и управлять! Как будто она этот самый черепаховый бомбовоз.

Те, кто его запустил, остались где-то в статике пришибленного облачностью слоя. У них там ни забот, ни хлопот. Рули себе тихонечко, бубни какие-нибудь вялые доклады в рацию, пересыпай из головы в голову какие-то анекдоты. Что им еще делать, когда их в одной кабине целая толпа? А вот гиперзвуковому пилоту Уксуну-Бу не до говорильни. Массаракш-и-массаракш! Яйцеголовые лентяи так и не сумели к сроку сотворить чертову капсулу полностью автономной. Хоть тресни, но она из-за каких-то там «кавитаций и кориолисовых махинаций» не способна самостоятельно вырулить в рассчитанную теми же яйцеголовыми точку пространства Мирового Света. Теперь надо сводить в голове данные, полученные с помощью каких-то, все еще чудесно не остановившихся от тряски гироскопов, с данными, тоже все еще по странности щелкающего цифрами бортового вычислителя.

Уксун-Бу жмет пальцами в перчатках некие кнопки. Последовательность нажиманий настолько впечатана в память, что он может найти эти кнопки даже в полной темноте, если вдруг они перестанут подсвечиваться впаянными диодами или во всей кабине погаснет освещение. Так же точно он найдет и нажмет кнопки, если кабина волшебным образом наполнится водой. Когда-то, на тренажерах, в навсегда отдалившейся Сфере Мира отрабатывалось даже такое.

Тело давно уже потеряло чувствительность, но сейчас он помнит, что согласно его командам по сторонам капсулы пыхают в предположительно разряженное пространство небольшие коррекционные двигатели. Рули, плоскости, элероны и прочие побрякушки мира, в котором воздух столь плотен, что ветер можно запросто почувствовать без всяких приборов, ныне неприменимы. Преддверие Мирового Света – это мир исключительно реактивных тяг и моментов. Кроме того, из-за чудовищных скоростей, принятых в этом мире, время тут как бы прессуется. Эскадрон «Принцесс Кардо» дорулит в данную координатную привязку массаракш знает когда, а вот вдавленный в кресло пилот Уксун-Бу уже на подходе.

И значит, другая комбинация кнопок. Сейчас должна ожить торчащая из корпуса, и хочется верить, что не отвалившаяся от трения наружная антенна. Благо радиоволнам подвластны даже окрестности Мирового Света. Некий кодированный сигнал обязан сейчас возбудить рации бомбовозов, сообщить, что все по плану. Есть вероятность, что этот сигнал перехватят имперские службы слежения. Не исключено, что они удивятся, произведя триангуляцию. Потому как ни один искусственный радиоисточник не может располагаться так высоко. С другой стороны, удивляться им недолго: гиперзвуковик – слишком быстрая штуковина. Ныне он уже совсем в преддверии просчитанных яйцеголовыми умниками координат. Стиснутый креслом, ремнями, инерцией и еще Мировой Свет ведает чем, Уксун-Бу

набирает на панели сложную кнопочную комбинацию. Она вбита ему в подкорку и нигде не записана. Это сигнал инициации заряда.

«Массаракш!» – вот какое слово как бы отпечатывается в голове гиперзвукового пилота в последнюю секунду. Где-то за его спиной – в соседней камере, за переборкой – воспламенившиеся пиропатроны вдавливают друг в дружку груды отполированных долек плутония. Ныне эта арбузная нарезка уже цельный, продолжающий прессоваться арбуз. Где-то на уровне триллионных долей метра и пикосекунд творят свистопляску нейтроны с ядрами. Затем происходит большое-большое «бу-бух!»

Ни гиперзвуковой капсулы, ни ее боевой начинки более не существует. Есть только расходящаяся по кругу сфера излучения. Идет какая-то реакция взаимодействия с Мировым Светом, вычисленная и предсказанная загодя яйцеголовыми умниками. И теперь вниз, на поверхность Сферы Мира, на землю северной Империи, в окрестности неприступной Крепости, рушится ММ, то бишь Магнитный Массаракш.

Теперь всё электрически активное железо внизу обречено.

18

Конечно же, из всего экипажа радисту-пулеметчику Бюросу-Уту повезло больше, чем всем остальным. Родственные связи есть родственные связи. Представьте, для кого-то «Дядя Дарест-Хи», а для него просто «дядя Дарест», сам лично растолковал ему все нюансы их миссии. Надо сказать, дядя сильно рисковал. А вдруг бы племяннику Бюросу ударило что-то в голову, и он поплелся поутру доложить закреплённому за подразделением «наблюденцу за нутром» о том, что его родственничек в свободное от службы время в совершенно не секретном помещении, не проверенном на «жучки» и прочую бяку, четыре часа кряду разглагольствовал о делах государственной сверхважности. Что бы было Дяде? Хотя, может, ничего бы и не было. С его-то связями. Ну попеняли б чуток или поподначивали. Переживается. Тем более дядя пресмыкается перед сильными мира сего с пеленок. Ему глотать обиды, что таблетки от кашля. А вот что было бы с Бюросом, это еще вопрос. Вряд ли это продвинуло бы его по служебной лестнице.

И кстати, с точки зрения морали, было б все же тоже нехорошо. Все-таки дядя Дарест с ним не только на военную тематику беседовал. Кстати, нечасто он это делал: по пальцам пересчитать. Но зато дядя несколько раз помог ему по службе. Не, у него были свои резоны. Скорее всего, он исходил из логики и карьеристских соображений. Типа того, что если б он сам был Бюросом, то к чему бы тогда стремился? Вот примерно в подобном ракурсе он и помогал.

То есть. Вот есть эдакий племяшка Бюрос. Денег у него не водится. Герцогского или там хоть какого-то аристократического происхождения не проглядывается. Ум? Как-то не слишком заметно. Благо, имеется некая способность к языкам, да и ключом рации он лабает, что тот маэстро. То, что сунулся в армию, к тому же не в «гряземесы» пехотные, а воздушно-бомбовозные силы, – это до жути правильное решение. Кем бы он стал среди гражданских шпаков? Тюхой-матюхой – преподавателем языка? Ну, в лучшем случае можно, конечно, пристроить – с помощью все тех же дядиных связей – при посольстве. Но и там дальше младшего клерка не двинут. С посольствами, кстати, мысль не следует зарывать насовсем, оставим на полочке. Быть может, когда-нибудь, имея медали героя войны, туда и можно попробовать постучаться. Не требуется ли помощник атташе со знанием нескольких языков?

Идем дальше. Итак, племяш Бюрос в авиации. Просто так летать туда-сюда радистом – дело глупейшее. Так что, не без помощи и подсказки дяди, Бюрос когда-то попал к штурмовикам, на настоящую войну. На войне, ясный перец, бывает всякое. Но Бюрос летал не на мелких одноместных и двухместных штурмовиках. Где там место для радиста-переводчика? Он летал с командиром штурмовой дивизии на большом, охраняемом эскортом «Джунгариптере». А война-то все же с партизанами в основном, не напрямую с имперцами. И очень маловероятно, что у партизан заведутся сверхдальнобойные ракеты для поражения многомоторного «летучего острова».

Тем не менее какое-то время назад дядя Дарест убедил Бюроса накатать рапорт с просьбой о переводе в стратегическую бомбовозную авиацию. Там, мол, его способности переводчика гораздо более важны. Номинально просьба вроде бы обоснована. Причем с точки зрения государственной пользы. Но кто на столь низком уровне командной цепи волнуется о глобальных делах? Само собой понятно, если бы не связи дяди Дареста, над рапортишкой Бюроса-Ута попросту бы порыготали где-то в строевой службе базы. А так – глядь, и он уже с нашивками стратегических бомбовозных сил. И не в абы каких, а в самых совсекретных. В единственном во всей Сфере Мира эскадроне бомбовозов с атомными движками.

Дядя Дарест все ж не столь болтлив, как кажется. Ведь не открыл же он секреты совета о переводе своему племянке сразу? Нет, не открыл. Подождал, пока тот освоится. А главное, дождался, покуда все взведенные им пружинки наконец-то сработали. Его Величества Королевский Генштаб не только принял пропагандируемую им военную доктрину как руководство к действию, но уже назначил время и дату ее осуществления. Ясный массаракш, на уровне радиста-пулеметчика или даже радиста-шпиона узнать тонкости доктрины было совершенно невозможно.

Вот тут дядя и провел лекцию о совсекретных делах. Естественно, двадцать раз предупредив, что ничего из сказанного выбалтывать не рекомендуется никогда и ни при каких обстоятельствах.

Будет, мол, так и так, рассказал дядя. И пока у племянки от удивления не закрылся рот, изложил свои доводы по поводу его дальнейшей судьбы.

– Если все получится, Бюрос, ты будешь среди очень-очень узкого числа героев, которые выиграли войну. Сам представляешь, что это значит. Вас на руках будут носить. Не знаю уж какими медальками-орденками вас наградят-отметят, но поверь: мне, гражданскому, такие не светят. А потом, если не захочешь остаться в авиации, у тебя куча возможностей. Любой промышленный концерн возьмет тебя консультантом. Причем даже без всяких моих протекже. Ты станешь сам себе протекже. Ну, а в плане армии, так опять же... Захочешь – попадешь даже в какую-нибудь комиссию по капитуляции северян. Будешь там, разумеется, не главным, а переводчиком. Но все равно. Представь: ко всем твоим фишкам-ферзам у тебя на стене будет еще красоваться фото: «Им-перцы склонили знамена перед...». Ну, усекаешь, племянш? Такие вот пирожки, массаракш.

Бюрос-Ут, понятное дело, офигел конкретно.

19

У Бюроса-Ута ощутимо дрожат руки. Он даже боится, что от нервозности случайно инициирует заднеполусферную пулеметную машинку. Но ему есть отчего нервничать, впрочем, как и остальным. Они сделали ЭТО! Мама родная! Да простит им Сфера Мира! Сейчас ее так тряхнет!

Только что у трех бомбовозов эскадрона, у трех «Принцесс Кардо», разом откупорились брюшные створки. Летающие машины работали согласованно. В отличие от всего окружающего мира у них внутри радиоаппаратура не умерла. Поэтому три радиста сделали друг другу ручкой посредством стерильно чистого – без всякой имперской трескотни – радиоэфира. Само собой, они всего лишь выполнили указание. Бюрос-Ут передал, а двое его коллег в соседних бомбовозах приняли простую команду трижды-майора Таваса-Пи. И значит, на всех трех самолетах три штурмана-бомбардира – у них на борту Чирини-Ук, а на других пара его копий в плане функциональных обязанностей – доложили, что с вверенными «спецбоеприпасами» все в норме, прогрев включен дистанционно и вовремя, а также сделано еще то и это. И все, конечно, сверено со сверхсекретными наставлениями по применению.

И тогда три бомбовозных командира отдали дублирующие приказы: «Сорвать пломбу!». И теперь уже не три, а сразу шесть рук в отстоящих строго на десять километров друг от друга «Принцессах» произвели указанное действие, а шесть голосов одинаково бесстрастно доложили, что все «ок!». Это к делу инженеров-физиков присоединились еще сидящие в стороне бортовые штурманы-бомбардиры, потому как у них тоже имелись свои кнопки, только предназначенные уже не для инициации зарядов, а для сброса. Ну а потом, опять же по команде, три физика нажали свои кнопки инициации. И разумеется, что-то там в этих жутких штуковинах, до того мирно дремлющих в толстенных чрева «Принцесс Кардо», сразу же затикало, а может быть, и забулькало, потому как откуда простому радисту-пулеметчику знать все эти ядерные сложности, что там и как? Ну и наконец, по новой команде три штурмана-бомбардира – на главной машине Тэшэ-Ки, а на других – два его аналога, согласованно нажали свои кнопки для сброса. И тогда три жутких бомбулины помчались куда-то вниз, а каждая из «Принцесс» стала на одинаковое количество килограммов легче.

В первые секунды радисту Бюросу-Уту было со своего экранчика пулеметной камеры не слишком хорошо видно, как они провалились. Но бомбовоз вовсе не покоился на месте – он такого не умел, – и значит, очень скоро бомбы отстали, и тогда их стало видно в прицеле. Точнее, по экрану пошла какая-то черточка именно их собственной «родной» бомбы.

Ведь другие оторвались и понеслись вниз от своих авиаматов.

Бомбы приобрели четкость, когда выбросили парашюты. Малюсенькие вытяжные выволокли на свет божий огромные тормозящие. Пять серых квадратных полотнищ, каждым из которых можно было бы накрыть, наверное, половину футбольного поля. В это же время где-то на краю сознания Бюроса-Ута прошли доклады. Он даже сам дублировал бодрые, но закодированные донесения с подчиненных машин.

И тогда командир эскадрона Таваса-Пи наконец-то разродился самой благостной командой на свете: «Сваливаем отсюда нафиг, ребята!». Правда, выразил он ее несколько другими словами и не столь эмоционально. Но смысл в ней был именно такой.

В самом деле, им надо было убраться как можно далече, покуда тяжеленные тюхматюхи опускаются вниз. Бюрос-Ут сейчас так обрадовался, что по новой вспотел оттого, что следит за задней пулеметной машинкой не непосредственно около нее, а с помощью кноппеля и прицельной камеры. Когда-то давно он слышал историю, что один его коллега

при испытаниях на островке Луппопо обгорел, хотя к тому времени они удалились от места сброса аж на двадцать пять километров. Ныне, в освинцованной камере, было как-то надежней.

20

Северные имперцы сами виноваты. Все им территории мало, все им новые зависимые народы подавай. Чуть зазеваешься, глядь, а они уже чуть ближе свою границу продвинули. Уже какого-то царька варваров облапошили, наобещали в три короба за проход войск, или вообще, с принцем-аутсайдером каким-нибудь снюхались, подкормили автоматическими винтовками, и вот – глядишь ты! – дворцовый переворот как по заказу. Оно, понятно, по заказу и есть. Короче, если на северную Империю иногда не замахиваться, – не сообщать по официальным каналам, что еще, мол, на шаг к югу двинетесь, тут же выступим против вас объединенным фронтом всех государств, расставленных южнее экваториальной линии, – то их не остановить. Вошли, понимаешь, в раж.

Правда, бывший сослуживец, бомбардир-штурмовик Боэси-Ти, вообще-то страшный молчун, тот как-то разговорился не в шутку. Выдвинул мысль, что, мол, все хороши. Типа, все царства-государства на одно лицо, то есть вместо лица – вонючее заднее место. Говорит, мол, мы, Королевство Ноюи, сами за последние пятнадцать лет расширились в полтора раза. Причем в северном направлении, так сказать, навстречу прущим помалу на юга имперцам. Не, ну как же иначе-то? Идти на юг-то нам некуда. Там отдельное княжество Куддуддуи. Оно б само расширилось, но упирается в южные приполярные моря. Тем не менее даже оно умудрилось. У Куддуддуи новая колония на экваторе не известной точно площади, потому как из-за джунглей околонушено исключительно по карте и с хозяйским размахом где-то на два века освоения вперед. Ну и типа, все остальные страны Временного Союза, они нисколько не лучше. Всем, мол, нужны колонии позарез. Даже не колонии, а как он выразился, «рынки сбыта». Дурацкая, конечно, мысль по сути. Какого такого сбыта? Неужели не ясно, что мы, ноюийцы, заняли высоты Геллекле и долину Розовую чисто превентивно? Иначе б северные имперцы забросили свои десантные части еще и туда? Мы благородно, с риском нарваться на серьезное столкновение с северным монстром, спасли от истребления население долины и всех окрестностей.

Правда, у бомбардира Боэси-Ти и тут имелось какое-то свое мнение. Но что с Боэси-Ти взять? С него спрос маленький. Он, похоже, после инцидента опять же с превентивной бомбардировкой сдвоенного хребта Бурлан-Шаиро стал несколько не в себе. Ему, видимо, исключительно за боевые заслуги перед Отечеством дали возможность спокойно дослужить свое до законной пенсии. И вот тут «наблюденцы за нутром» облажались серьезно. Устроил им Боэси-Ти локальный массаракш. Не им непосредственно, не контрразведке, а всем остальным. Разумеется, можно только предполагать, скольким «наблюденцам» вставили потом по самые гланды. О делах военно-политического контрразведывательного ведомства узнать обычному пилоту неоткуда. Но вот сколько из-за молчуна Боэси-Ти пострадало его же боевых товарищей, то хорошо известно. Почитай, вся остальная штурм-дивизия.

Еще бы! У бомбардира Боэси-Ти наличествовал в распоряжении штатный «Король Зраффа». Хороший, удачно выполненный тип штурмовика. На малых высотах ему цены нет. В джунглях партизан крошить – лучше него не придумали. Эти «Зраффы» вроде бы все страны Временного Союза закупают, особенно те, у кого еще остались на территории леса приличной площади. Ясное дело, Боэси-Ти не какой-то экс-герцог, чтобы развлекаться личным самолетом. Был он лицом подчиненным, как и все остальные пилоты и штурманы. Но в тот злосчастный день проходили серьезные совместные учения. Привлекли воздушные силы не только Ноюи, но еще двух граничащих стран. Учения планировались на три дня. Тогда был как раз второй. Кстати, после него третий пришлось отменить начисто. Из-за расследования инцидента. Мало ли что? Вдруг заговор не одиночный, а «продолжение следует»?

Так вот, что же сделал бомбардир-штурмовик Боэси-Ти? Он в составе эскадрона поднялся в воздух с полной боевой нагрузкой, но в процессе полета неожиданно доложил, что на борту неполадки, после чего его «Король Зраффа» стал терять высоту, чуть не свалился в штопор, однако вскоре выровнялся. Тем не менее по повторному докладу выяснилось, что управление по-прежнему «не в дугу». Командир эскадрона велел ему возвращаться на базу, предварительно избавившись от бомбовой нагрузки, чтобы не рисковать зря. Знал бы дважды-майор Такка-Ун, каким образом ветеран Боэси-Ти «избавится от нагрузки». Конечно, он мог бы подстраховаться, отправить с поврежденной машиной какого-нибудь ведомого. Но молчун Боэси-Ти как-то убедил его, что и сам дотянет: «Ничего сложного, над сдвоенным хребтом и не такое бывало».

Такка-Ун был не против. По учебной задаче ему следовало нанести бомбовый удар по неким координатам. Отказ одной машины уже снижал учебный урон на одну шестую, а отправка следующего штурмовика ослабляла боевую мощь на целую треть. Учения – дело серьезное. С настоящими бомбами они проводятся не часто, а по их успеху судят о компетенции всего эскадрона, то есть, по сути, командирской выучки самого Такка-Уна. Так что он предпочел рискнуть отправкой Боэси-Ти в одиночку, но нанести по цели максимально возможный удар.

Удар, кстати, он нанес на пять баллов, только вот откуда ж дважды-майор Такка мог ведать, что теперь отменная выучка подчиненного личного состава обернется против него самого? Кажется, после чистки, устроенной государственной прокуратурой по случаю проделки Боэси, командир штурмового эскадрона не сумел отделаться исключительно снижением в должности. Его даже не просто выбросили вон из штурмовой авиации в гражданские «шпаки». Он умудрился получить восемь лет «строгача» с последующей пожизненной высылкой в горы Хафиф-Кольдильер. Основные обвинения: «наплевательское отношение к моральному климату в подразделении», «покрывательство антигосударственной пропаганды», «беспечность» и даже «обучение экстремистов за государственный счет». Благо хоть остальных сослуживцев не пересажали, но уж от летных должностей отстранили навсегда.

Так вот Боэси-Ти распрощался с непосредственным начальником и пожелал ему удачи. Кстати, и тот ему тоже. А ведь эфирные переговоры записываются, так что эти пленки очень скоро послужили большой подпоркой в деле привлечения к ответственности командира эскадрона. Ну, эту пакость ветеран Боэси-Ти, скорее всего, не планировал. Его задумка была куда круче. Дабы не отвлекаться, он отключил связь совсем и снова ушел на сверхмалые высоты. «Король Зраффа» по таким делам самолет неплохой и уж тем более в умелых руках. После подобного трюка никакие радары схватить его не могли, даже если б захотели. Тем более бомбардир знал расположение постов прикрытия как свои пять пальцев: он явно долго и планомерно готовился к нынешнему действию.

Менее чем через двадцать минут он появился в таком месте, где его никто ждать не ждал – в окрестностях приморского города-курорта Арисвэри. Причем в эти окрестности он сразу же зашел именно с предусмотренного ракурса. Короче, когда он, убавив обороты винта чуть ли не до нуля, пробарражировал над дворцом Шегре-Нерэдэн, никто из тамошних, включая стражу, совершенно ничего не понял. Да и на понимание у них уже оставалось секунды три, не больше. Бомбодержатели уже разомкнули крепеж, сама бомба пошла вниз быстрее камня. Но она еще не успела проломить своими восьмиста килограммами крышу левого крыла дворца, а штурмовик «Зраффа» уже развернулся над морем и теперь заходил в горизонтальной атаке на правое.

Первая бомба подбросила вверх череду мраморных лестниц, ансамбль цветных витражей, несколько тонн люстрового хрусталя, оглушила всех в радиусе километра, но бомбардирский «Король Зраффа» не сдвинулся с курса ни на миллиметр. Вторая бомба вошла точнехонько в окно бального зала и обрушила на него все три последующих этажа. Эти мно-

готонные конструкции еще не успели осесть как следует, а штурмовик ветерана конфликта за хребет Бурлан-Шаиро совершил почти вертикальный взлет, наверняка только лишь для того, чтобы полюбоваться последствиями атаки, ну и наметить новые цели, само собой. Он растратил две подвесные «хлопушки», но ведь оставалась еще одна – под самим фюзеляжем. Может, стоило подрихтовать до горизонтали центровую часть дворца? Видимо, Боэси решил, что не стоит. Гораздо больше его заинтересовали деревянные и мраморные беседочки, поставленные со стороны моря. Ближайшие к дворцовым развалинам рухнули и некоторые даже загорелись.

Бомбардир Боэси-Ти опустил последнюю тяжелую вещицу на борту аккуратненько в точке схождения биссектрис треугольника из трех таких вот колончатых амурных беседочек. В воздух поднялся целый дендрарий мимоз и прочих красотостей; возможно, попутными ветрами эти покрытосеменные и остальные прелести обязались расселиться по миру более широко, увеличить, так сказать, свой ареал обитания.

Потому заслуженный военный летчик прошел над полем боя, наслаждаясь запахами орхидей и иных уникальных чудес природы. Это была полезная для здоровья и психики добавка. Но основное блюдо было внизу. Крыши разметало в пыль, зато беседочные колонны легли ровнехонько к центральной воронке: просто-таки образцовое выполнение команды «Вспышка откуда-то там!». Бальзам на уставшую душу старого ветерана.

Боэси-Ти мог нюхать воспарившие бабочками цветики-семицветики полной грудью: он открыл фонарь кабины и высунул голову, высматривая поползновения жизни внизу. Флора интересовала его только в плане запахов, а вот фауна – на предмет подвижности. Среди сухопутных популяций все было тихо-мирно, но оказывается, в дворцовых пампасах водились еще и водоплавающие виды. Точнее, в размещенной с оборотной стороны дворца паре симметричных бассейнов кто-то все еще делал «куп-куп». Хоть мотор и рубил воздух практически вхолостую, скорость все равно была слишком велика, дабы понять, нежаты ли на плавательных матрасиках загорающие с толком или все же зазря, ибо после уложения в гробики служба ритуальных услуг все равно перепортит все старания пудрой. В брюхе штурмовика еще наличествовала мелкокалиберная окрошка из бомб разных видов, однако ее Боэси-Ти собирался израсходовать по другому случаю.

В ход пошли пулеметы. Порой, после двенадцатой кружки пива, летчики-ветераны Третьей Экваториальной войны жалуются, мол, у штатного «Короля Зраффа» всего три пятиствольные пулеметные машинки. Типа того, что, когда идешь над джунглями, не помещала бы еще парочка, потому как стволы, ветки, листья, обезьяньи гнезда и все такое же ненужное крадет без дела уйму выплеснувшегося боеприпаса. С другой стороны, ныне внизу были все-таки не джунгли плато Корпытомуса, просто ботанический сад. Ну и бассейны, понятно. По отношению к ним крупнокалиберная пуля, выпущенная практически в упор, имеет явно избыточный импульс. Она не просто протыкает плавательный матрац плюс то, что на нем и, возможно, под ним, но еще и выколупывает полкуба мрамора со дна. Ну, так это одна пуля! А ведь Буэси-Ти не с винтовкой охотился. За два захода он сотворил с бассейнами то, что делал с окопами северян в тех случаях, если их летчики-истребители прикрытия где-то подзадержались, заигравшись в картишки и со сна перепутав район барражирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.